

ПОПУЛЯРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

100

ВЕЛИКИХ географических открытий

**Вячеслав Алексеевич Маркин
Рудольф Константинович Баландин
100 великих
географических открытий
Серия «100 великих (Вече)»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140595

Р. К. Баландин, В. А. Маркин. 100 великих географических открытий:

Вече; Москва; 2015

ISBN 978-5-4444-8493-7

Аннотация

Эта книга о том, как люди открывали свою родную планету. Великое географическое открытие порой длилось веками, и в нем принимали участие десятки, а то и сотни исследователей. Среди них были не только знаменитые – Геродот, Марко Поло, Колумб, Кук, Пржевальский, Скотт, – но и ныне забытые и малоизвестные. О них тоже идет речь в книге. Из нее вы также узнаете и о некоторых теоретических открытиях, раскрывающих жизнь и строение Земли.

Содержание

Мировой океан	6
Предвидение Мирового океана	6
Похищение Европы	13
Земля за концом света	18
Копи царя Соломона	25
Африканская кругосветка	30
Страны олова и янтаря, земля Туле	37
Покорение Великого океана	42
Крупнейший остров планеты	49
Весть о Новом Свете	55
Первооткрыватели Нового Света	60
Самое дальнее плавание Средневековья	67
Великий мореплаватель, предпочитавший не плавать	72
Морской путь в Индию	80
Западный путь на восток	88
Мнимое царство великого хана	94
Открытие Америки	100
Вокруг земного шара	105
Пролив имени пирата	114
Загадочный остров Пасхи	120
Из Азии – в Америку	129
Суперматерик Евразия	135

Древнейшие открытия	135
Альпы – первая преграда	143
Три полуострова Южной Европы	148
Три моря на восходе	155
Путешественник-полководец	160
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Р. К. Баландин, В. А. Маркин 100 великих географических открытий

«Сто великих» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Знак информационной продукции 12+

© Р. К. Баландин, В. А. Маркин, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

Мировой океан

Предвидение Мирового океана

Древнейшая из дошедших до нас карт из Вавилона (V век до н. э.) показывает круг земной, возможно, омываемый морем. Изображение слишком схематичное, чтобы толковать его более или менее обстоятельно.

В III веке до н. э. некоторые философы предполагали, что на земном шаре (или диске) преобладает суша, которую разделяют две полосы океанов, протянувшихся по экватору и через полюса.

Много столетий спустя на средневековых картах мира преобладала суша. Такая традиция сохранилась даже после того, как были получены сведения о Новом Свете. Кстати, мысль о преобладании на планете суши содействовала открытию Америки Колумбом.

Величайший историк и географ античности Геродот, много путешествовавший, собравший огромное количество сведений о разных странах и народах, не обмолвился о Мировом океане. Возможно, он просто не пожелал фантазировать. Он знал о существовании обширных водных пространств на Западе и Юге. О северных и восточных странах имелись лишь очень туманные свидетельства. Общее соотношение

суши и моря оставалось для него тайной.

Судя по всему, идею Мирового океана следует считать гениальной догадкой, гипотезой. Ее приверженцы, в частности легендарный Гомер, исходили из тех ограниченных знаний об ойкумене (обитаемой земле), которые сложились в Греции примерно три тысячелетия назад. Тогда было известно о Каспийском море. Но о его восточной окраине ничего толком не знали. Индийский океан, как предполагалось, смыкается с ним на востоке и продолжается к югу; Атлантический – простирается с юго-запада до северо-запада. Оставалось только предположить, что где-то на севере замыкается этот великий околоземный океан.

Естественно, планета наша в далекой древности представлялась людям небольшой. Философы, размышлявшие о ее форме, высказывали разные гипотезы. Ее представляли в виде диска, цилиндра, шара (кстати, в центр Вселенной обычно помещали Солнце). Цивилизованные обитатели Средиземноморья считали, что находятся в центральной части планеты.

Восточной Европы через Двуречье с древней цивилизацией долины Инда.

С третьего до середины второго тысячелетия до н. э. в восточном регионе Средиземного моря безраздельно господствовали критяне. Этот остров занимал важное стратегическое положение. Его заселили племена, которые с доисторических времен (до изобретения письменности) осмеливались выходить в открытое море. Кто были эти люди, сказать трудно.

По мнению советского историка науки И. П. Магидовича, первыми вышли в Атлантический океан финикийские мореходы (семитоязычные жители побережья Малой Азии). Они основали в середине 1-го тысячелетия поселения на Африканском берегу напротив Сицилии-Карфаген. То, что они еще раньше вышли за Гибралтарский пролив, сомнений нет. Но были ли они первыми, вот в чем вопрос.

По свидетельству древнегреческого историка Фукидида, критский царь Минос (это была правящая династия) создал первый военный флот для борьбы с пиратами. Скорее всего, это свидетельствовало о том, что контроль за всеми морскими перевозками в Восточном Средиземноморье осуществляло критское царство. И если критяне, как установлено, посещали Сицилию, Сардинию и Корсику, то что мешало этим отважным морякам идти дальше на Запад?

Обратимся к свидетельству мифов. Древние греки, наследники критской культуры, еще задолго до Гомера знали

о существовании океана далеко на западе: титан Атлант для них был олицетворением Атласских гор на северо-западной окраине Африки, которые словно держат на себе небесный свод. В таком случае, критяне должны были, обследовав северное побережье Африки, достичь Гибралтарского пролива и, что не исключено, выйти в океан.

Ученые гомеровских времен, исходя из эстетических соображений, из пифагорейской идеи гармонии Мироздания, представляли ойкумену в образе двух материков, разделенных Средиземным морем и омываемых Мировым океаном.

Первые мореходы древности 4–5 тысячелетий назад отважно отправлялись в дальние походы и даже рисковали выходить в открытое море. А позже лишь немногие решались на подобные плавания. Мифы и легенды не только пробуждали интерес к дальним загадочным странам, но и порой запугивали тех чужеземцев, которые пожелали бы отправиться к неведомым землям.

Но дело, конечно, не только в «географических секретах». Проблема серьезней. Создается впечатление, что привычные наши представления о том, как люди открывали свою родную планету, слишком упрощены. Обычно исследователи исходят из предположения о постоянном последовательном расширении ойкумены (известной территории). В действительности, судя по всему, совершались не только великие географические открытия, но и не менее масштабные «закрытия». Скажем, после того как первые европейцы по-

бывали в Новом Свете, прошло полтысячи лет, прежде чем он вновь был открыт. А с той поры, как впервые удалось совершить плавание вокруг Африки, повторить его удалось лишь через два тысячелетия (!).

Поэмы Гомера не могут претендовать на научную точность. И все-таки они дают более верную – в принципе – картину земной поверхности, чем значительно более поздний трактат Гиппарха (II век до н. э.) и даже научные труды – включая карты – Птолемея (II век н. э.). Гомер писал об Океане, омывающем континенты. Гиппарх, Птолемей и многие другие мыслители не признавали этого.

Почему так получилось? Почему географические или вообще научно-философские воззрения поздних авторитетных авторов оказываются менее точными, а то и ошибочными по сравнению с прежними представлениями – скорее поэтическими, чем научными?

Одна из причин – стремление к более достоверному знанию. Мыслитель старается не выходить за пределы известных ему фактов, не доверяя фантазии, воображению, интуиции.

Другая причина: интеллектуальный прогресс цивилизаций нередко сменяется регрессом, значительным спадом, потерей творческих дерзаний или даже деградацией. Новые идеи далеко не всегда мудрее (чаще – мудреней) или вернее прежних.

Не исключено, что греки времен Гомера или более ран-

ние мореплаватели Крита совершали более смелые путешествия, чем их «коллеги» на закате античной цивилизации. Этому могли способствовать причины политические. К тому же временами в Средиземноморье так свирепствовали пираты, что это исключало всякую возможность свободного передвижения. Некоторые историки и журналисты предполагают, будто в отдаленнейшие времена, около десяти тысячелетий назад, существовала цивилизация высочайшего уровня (типа Атлантиды Платона или оккультистов). От нее и сохранились отдельные отголоски великих знаний о Земле и Космосе. Потому-то, мол, содержание многих мифов глубоко и многопланово, предваряет последующие достижения философской и научной мысли. Но мудрость древних мифов скорее всего объясняется тем, что это была универсальная форма познания, сочетающая в себе поэзию, философию, религию, народные предания, обобщения здравого смысла, опыт поколений, фантастические домыслы. Из мифа можно извлечь как драгоценные зерна истины, так и занятные фантастические истории, в зависимости от того, кто и для чего этот миф изучает.

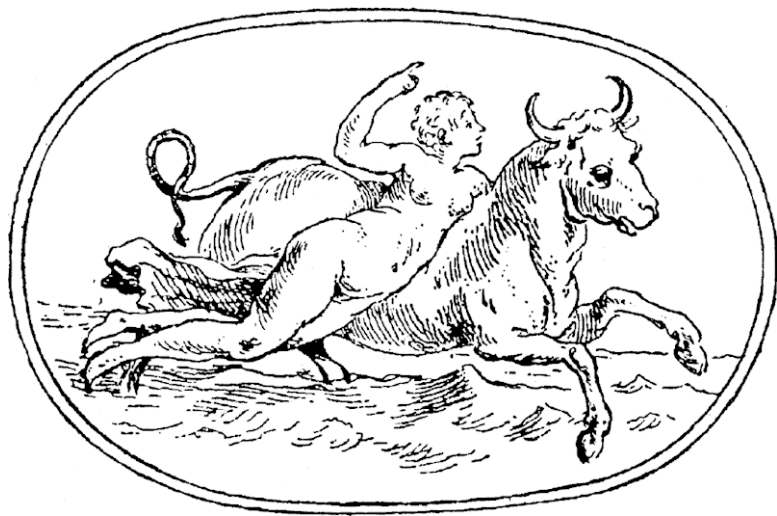
Похищение Европы (мореходы Крита)

Мифы далекой древности – свидетельства научно-филологических и поэтических воззрений наших предков. Поэтому о первых великих географических открытиях приходится судить, опираясь на «преданья старины глубокой». Одно из таких преданий древних греков повествует о похищении Европы. Некогда верховный бог Зевс влюбился в прекрасную царевну Европу. Она была дочерью царя Аченора, выходца из Египта, сына Ливии и Посейдона. Он переселился в страну Ханаан и жил в городе Тире.

Европа любила гулять с подругами на берегу моря (Средиземного). Там и увидел ее Зевс. Он превратился в прекрасного белоснежного быка с жемчужными рогами, очень ласкового. Европа решила прокатиться на нем. Но как только она села на его широкую спину, бык вошел в море и поплыл. Впереди сопровождал их сам владыка морей Посейдон. Зевс с Европой добрался до острова Крит. (Здесь его некогда спрятала мать Рея, жена Крона, который пожирал своих детей, боясь, что они восстанут и свергнут его.) У них родилось три сына: Минос, Радамант и Сарпедон. Первый стал правителем Крита, где свято чтили быка.

Такова легенда. Извлечь из нее рациональное зерно помо-

гают, помимо всего прочего, археологические раскопки на Крите и Кикладских островах. В частности, появились доказательства того, что на Крите приносили в жертву детей и даже практиковали ритуальное людоедство. Миф о Крононе имеет земные реальные корни, так же как предание о человекобыке Минотавре, обитавшем в лабиринте Кносского дворца и пожиравшего людей.

Похищение Европы (с античной камеи)

Нередко критские суда имели на носу изображение бычьей головы. Наконец, в древних хрониках царя Крита часто называли Тавром (быком). А если учесть, что сына Зевса и

Европы звали Миносом, то не удивительна и легенда о Минотавре.

Судя по всему, критские моряки со своим предводителем-царем (Зевсом) завлекли на свой корабль местную принцессу (Европу) и отплыли в море. Такой прием был характерен для пиратов. Вполне вероятно, что похищение состоялось по тайному сговору с самой принцессой или ее приближенными.

Итак, Европа перекочевала на остров, расположенный-согласно принятой ныне терминологии-между северо-восточной Африкой, западной Азией и юго-восточной Европой. Произошло это событие, по-видимому, в начале второго тысячелетия до н. э. Именно тогда на Крите процветала так называемая минойская цивилизация, возводились дворцы, украшенные великолепными росписями. Флот критян господствовал в Восточном Средиземноморье. Это позволяло вести выгодную торговлю со многими народами, богатеть, развивать искусства и ремесла.

Процветанию Крита и прилегающих к нему островов благоприятствовало их географическое положение. Жители имели возможность использовать культурные достижения разных цивилизаций, прежде всего египетской и ближневосточной, одних из древнейших на планете.

По свидетельству Гомера, царь Одиссей совершал грабительские набеги на египетское побережье и в дельту Нила. А вот египтяне не рисковали совершать ответные пиратские

визиты. То же можно сказать и о более ранних – времен легендарного Зевса – набегах критян на прибрежные поселения Малой Азии и на ханаанские земли.

В VI веке до н. э. греческие философы (уроженцы города Милети в Малой Азии, Ионии) Фалес и Анаксимандр ввели в употребление географические названия Европа и Азия. И в этом случае «открытие Европы» шло с востока. Представления об Азии тогда ограничивались знанием ее юго-западной части, включая западную Индию и Двуречье. О Европе сведения были не менее скудными, относящимися лишь к ее южной окраине.

В эту часть света цивилизация пришла сравнительно поздно. Тогда уже была освоена северо-восточная Африка (а Сахара превратилась в пустыню после многовекового хозяйничания здесь человека); пришли в упадок великие цивилизации Шумера в Двуречье и Хараппы в долине Инда.

Цивилизация древности в Средиземноморье продвигалась на запад от Ближнего Востока, и началось это с открытия Европы. Промежуточным пунктом на этом пути стал остров Крит, культура которого пришла в упадок примерно в XVI веке до н. э. И тогда же началось перемещение центра культуры на полуостров Пелопоннес, в Европу.

После Крита поначалу господство на Средиземном море перешло к жителям «европейского» побережья Малой Азии (откуда умыкнули на запад Европу) – финикийцам. И лишь в середине первого тысячелетия до н. э. настала пора антич-

ной цивилизации – древнегреческой. Так завершилось открытие Европы – прекрасной принцессы, похищенной Зевсом на Востоке.

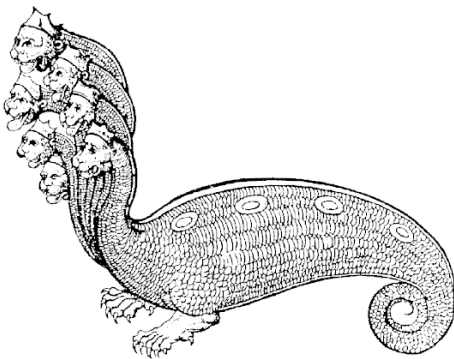
Земля за концом света (Западная Африка, экспедиция Ганнона)

Мореплаватели-финикийцы, ставшие после упадка Крита хозяевами Средиземного моря, привозили из далеких земель различные диковинки: растения, минералы, животных. Ремесленники-исследователи в своих мастерских проводили разнообразные опыты, стремясь получать новые материалы, прочные сплавы, целебные снадобья, красящие и отбеливающие препараты. Географические открытия сулили находки новых полезных вещей, а не только драгоценных металлов и камней.

К началу I тысячелетия до н. э. практически все Средиземноморское побережье было уже освоено. Появились финикийские колонии в западной его части. Пришла пора осваивать земли, находящиеся в Атлантическом океане. Эти географические исследования держались в секрете. Чтобы избежать конкуренции, распространяли слухи о том, что за Геркулесовыми Столбами на корабли набрасываются морские чудовища, а тех, кому посчастливится уцелеть, подхватывают водовороты и увлекают туда, где находится конец света и океанские воды низвергаются в бездну...

Однако сами финикийские мореходы уходили все дальше

в просторы Атлантики. Столь же вероятно, что именно финикийцы первыми достигли острова Мадейра (около VII в. до н. э.) и Канарских островов. Здесь они обнаружили красящий лишайник орсель, необходимый при изготовлении пурпура, а также «драконово дерево», красноватая смола которого тоже стала сырьем для получения ценного красителя.

Гуманоиды и чудовища дальних стран по представлениям

На одном из Канарских островов поселились в VI в. до н. э. выходцы из недавно организованного Карфагена – финикийской колонии в Северной Африке. Сравнительно быстро карфагеняне стали господствовать во всем западном Средиземноморье. Только они знали маршруты к Мадейре и Канарским островам. Когда канарские переселенцы сами начали совершать плавания в окрестных акваториях и обрели самостоятельность, карфагеняне истребили их, чтобы не лишиться власти над этими островами.

После экспедиции Нехо II выяснилось, что Ливия (Африка) вовсе не опаленная зноем пустыня, как предполагалось прежде, а цветущая страна, и карфагеняне решили основать свои поселения на ее Атлантическом побережье. С этой целью примерно в 525 году до н. э. была снаряжена в Карфагене крупная экспедиция: 60 судов по 50 гребцов в каждом. Общее число участников похода было около 30 тысяч, а во главе стоял военачальник Ганнон. Судя по всему, местность за Геракловыми, Геркулесовыми (или, как называли карфагеняне, Мелькартовыми) Столбами была им достаточно хорошо известна на протяжении нескольких сотен километров. Они останавливались, устраивали очередное поселение и двигались дальше. Таким образом они прошли на юг вдоль Атлантического побережья Африки около тысячи километров. Последнее поселение находилось напротив Пурпурных (Ка-

нарских) островов.

Ганнон продолжил путь на юг, устанавливая дружеские отношения с местными жителями. Так они достигли реки Сенегал, которая кишела крокодилами и бегемотами. Высадиться на берег не удалось: помешали «лесные люди в звериных шкурах», бросавшие в пришельцев камнями. Так как эта часть экспедиции была разведочной, а не завоевательской, карфагеняне двинулись дальше, не вступая в конфликт. Вообще, судя по всему, они вели настоящие – на тот период – географические исследования, знакомясь с новыми землями. Еще через пару дней берег повернул на восток. Представлялось, что здесь – южная окраина материка.

В одной из бухт они остановились на отдых, облюбовав небольшой остров. Вокруг были безлюдные заросли. Однако путников, устроившихся на ночлег, разбудили странные вопли и песни под глухие удары барабанов. Казалось, их окружило какое-то невидимое воинство. Пришлось спешно вернуться на корабли. Кое-кто взроптал: пора, мол, возвращаться домой! Но Ганнон твердо решил продолжить экспедицию. По-видимому, он предполагал, что ему удастся обогнуть континент.

«Поспешно отплыв, – сообщил позже Ганнон, – мы прошли мимо знойной страны, полной благовоний. Из нее огромные огненные потоки изливались в море. Страна недоступна вследствие жары.

Поспешно мы отплыли оттуда в страхе. Носились мы че-

тыре дня и ночью увидели землю, полную пламени. В середине был весьма высокий огонь, больше, чем другие, днем это оказалось величайшей горой, называемой Феон-Охема – Колесница богов.

Через три дня, проплыв потоки пламени, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом.

В глубине залива был остров, полный диких людей. Более многочисленны были женщины, с телами, покрытыми шерстью. Переводчики назвали их гориллами. Мужчин мы преследовали, но не могли поймать, они все убежали, цепляясь за скалы, защищаясь камнями. Трех женщин мы схватили, но они, кусаясь и царапаясь, не захотели следовать за ведшими их. Убив их, мы сняли с них шкуры и привезли в Карфаген. Дальше мы не плавали. У нас не хватило припасов».

Так заканчивается сообщение Ганнона. Текст его был высечен на каменной плите, которая хранилась в храме Мелькарта, верховного бога Карфагена. Следовательно, сообщение считалось не только важным, но и засекреченным: к нему допускались только самые посвященные. По-видимому, некоторые сведения об экспедиции Ганнона смогли вывести греки, а затем и римляне. Но сама надпись была ими изучена лишь после разрушения Карфагена римлянами в 201 году до н. э. Тогда же появились первые сомнения в правдивости рассказа. И чем больше накапливалось географических сведений о Западной Африке, тем серьезней становились веские доводы скептиков: что это за огнедышащие

горы и, тем более, волосатые дикие люди? Только в середине XIX века в Габоне был изучен доселе неизвестный науке вид человекообразных обезьян – гориллы.

Ну а как быть с огнедышащей горой? Сомнения на этот счет отпали лишь в 1909 году, когда произошло извержение считавшегося потухшим вулкана Камерун (высотой 4 км), который находится в 300 км восточнее дельты реки Нигер. Наиболее грандиозным было следующее извержение Камеруна, в 1922 году, вполне отвечавшее описанию Ганнона.

Теперь можно предположить: пройдя в глубь Гвинейского залива и увидев, что берег резко поворачивает на юг, руководитель экспедиции резонно решил завершить маршрут и возвращаться. Континент оказался значительно крупнее, чем он предполагал.

Очень странно, что мореплаватели из Португалии через два тысячелетия смогли пройти тот же путь после нескольких неудачных попыток только за 70 лет! В чем тут дело? Ведь, без сомнения, португальские мореходы имели более совершенные корабли и навигационное оборудование, а также несравненно более верные представления о мире, чем древние карфагенцы.

Можно предположить, что к концу средневековья, в отличие от античной древности, климат в этом регионе изменился к худшему. Это не удивительно, если помнить о постоянном расширении пустыни Сахары в результате хозяйственной деятельности людей. И все-таки вряд ли погода в

прибрежной полосе изменилась столь радикально, что стала серьезной преградой для опытных капитанов. Скорее всего, причина тут преимущественно моральная. В средние века люди в подавляющем большинстве всерьез относились к легендам и сказаниям. Моряки – народ суеверный, потому что их судьба во многом зависела от стечения обстоятельств, несчастных случаев. Вот и припоминали они те истории, были и небылицы, которые передавались из поколения в поколение: о страшных морских чудовищах, о диких волосатых людях и огненных горах, о крае света, где воды океана низвергаются в бездну...

Копи царя Соломона (Восточная Африка)

Об одном из знаменитых морских плаваний и возможном открытии Южного полушария Земли рассказано в Библии. Вот несколько отрывков из «Третьей книги царств» (главы 9 и 10):

«Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе на берегу Черемного (Красного) моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота чetyреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону.

...И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней.

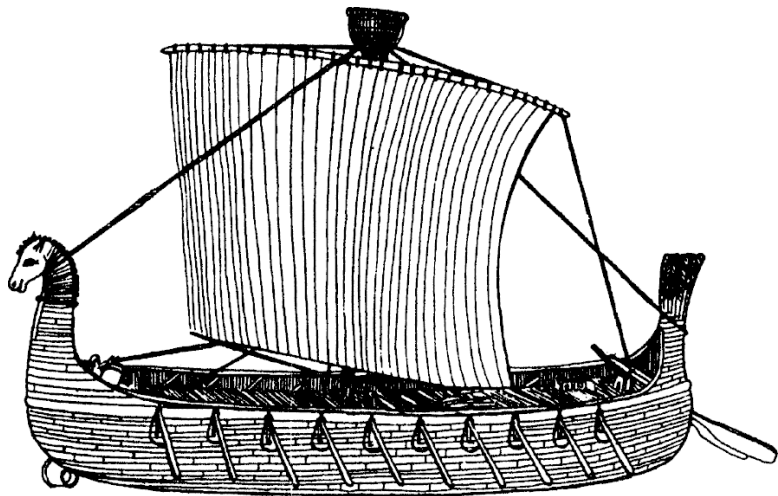
...И все сосуды для питья у царя Соломона были золотые... из серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что; ибо у царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, слоновую кость, и обезьян, и павлинов».

В наших мерах количество золота, доставленного из Офира, составляет от 130 до 420 центнеров. Но где находилась эта загадочная страна? На этот счет высказаны две наиболее

вероятные гипотезы. По одной, путешествие было в Индию, по другой – в юго-восточную Африку.

Действительно, золото можно получить и в том, и другом месте. Однако надо иметь в виду: в тексте особо оговорено, что раз в три года во владения Соломона приходил Фарсисский (то есть персидский) корабль с золотом, серебром, драгоценностями, слоновой костью, обезьянами и павлинами. Этот рейс почти наверняка был из Индии, тем более что персы (или племена фарси) находились сравнительно близко от Индии, имея с ней давние связи.

В древнейшем городе долины Инда, Хараппе, при археологических раскопках найдены фаянсовые бусы, привезенные с острова Крит (так показал тонкий химический анализ) приблизительно в XVI веке до н. э. Значит, тогда существовали торговые связи между цивилизациями Инда и Крита. Ничего удивительного в том, что они не прекратились позже, через шесть столетий. Это доказывают и регулярные – раз в три года-плавания из Малой Азии в Индию и обратно.

Судно времен царя Соломона

Иное дело – экспедиции в Офир. О них упомянуто особо. Они, судя по всему, были редки, трудны, хотя и доставляли в Иудею особенно много золота. Наиболее вероятно, что страна Офир находилась в юго-восточной Африке, за экватором, приблизительно в районе 20° южной широты, где ныне расположен портовый город Софала (Мозамбик). Сюда местные племена могли доставлять золото и драгоценные камни, добытые в глубине континента – примерно там, где находится грандиозный древний культурно-архитектурный комплекс Зимбабве. Если все было именно так, то участники экспедиции Хирама-Соломона должны были пересечь эква-

тор и выйти в Южное полушарие Земли. Но только вряд ли они были первыми. Ведь те, кто снаряжал судно в дальний путь, знали о существовании златообильной страны Офир. Значит, какие-то мореплаватели из Малой Азии или Египта (а возможно, из Персидского залива или долины Инда) уже проторили его, кто бы это мог быть?

Ответ подсказывает другой вопрос: в какой стране в те времена или несколькими веками раньше было особенно много золота? В Египте. Не потому ли, что из этого государства были предприняты первые успешные экспедиции в страну Офир (где бы она ни находилась)?

В пользу такого предположения свидетельствует исторический факт: фараон Рамзес II, правивший в первой половине XIII века до н. э., проложил канал от главного рукава Нила до Красного моря. Египетские суда могли из Нила по каналу выходить в Красное море, а оттуда – в Индийский океан. Затем была возможность двигаться или на северо-восток, огибая Аравию, напрямик к устью Инда, или на юг, вдоль африканского берега.

Какой маршрут предпочитали египтяне? Скорее всего, они опробовали оба. У африканского были свои преимущества. Побережье Африки мало изрезано, а золото путешественники могли встретить «всего» через две тысячи километров. В горах, расположенных восточнее озера Виктория, имеются месторождения этого драгоценного металла. Оттуда местные жители могли доставлять его на побережье. В та-

ком случае египтянам пришлось бы пройти лишь на 5° южнее экватора.

Но все это – предположения. Как было в действительности, неизвестно. Во всяком случае вариант с районом Зимбабве вызывает серьезные сомнения. Цивилизация здесь развивалась самостоятельно и сравнительно поздно, примерно 1–1,5 тысячи лет назад, а следов более ранней добычи золота пока не удалось обнаружить.

Итак, одно из наиболее крупных географических открытий древности – переход из Северного полушария в Южное – произошло, возможно, около трех тысячелетий назад, во времена фараона Рамзеса II. Позже Египет пришел в упадок и знаниями о стране Офир воспользовались цари Хирам и Соломон.

Не исключено, что в ближайшие годы удастся выяснить тайну страны Офир и узнать, наконец, состоялось ли в те времена открытие Южного полушария.

Африканская кругосветка (экспедиция фараона Нехо)

Египет после очередного расцвета и могущества при Рамзесах I и II подпал под власть Ассирии. Судоходный канал, проложенный при Рамзесе II, пришел в запустение. Прошло много столетий, прежде чем удалось сбросить ассирийское иго. Это произошло в VII веке, после восстания, которое возглавил номарх города Саиса, ставший фараоном Псамметихом I. Началось возрождение страны.

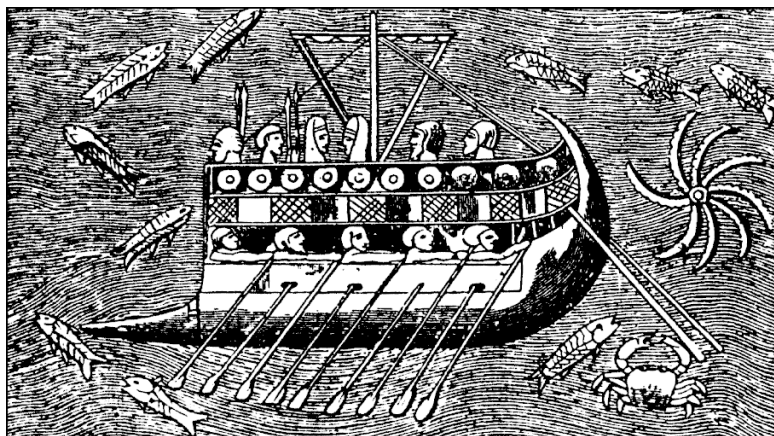
Сын Псамметиха I Нехо стал фараоном в 609 году. Чтобы укрепить экономику государства, он организовал крупные общественные работы, в частности, начал восстанавливать канал, соединяющий Нил с Красным морем. Десятки тысяч людей, преимущественно рабов, трудились несколько лет, прокладывая заново занесенную песком и пылью трассу.

Пятнадцатилетнее правление Нехо оказалось недостаточным для того, чтобы завершить начатое дело. Позже, через полтора столетия, Геродот побывал на этом канале и записал свои впечатления: «Канал так длинен, что поездка по нему занимает четыре дня, и так широк, что по нему рядом могут плыть две триремы» (суда с тремя ярусами весел).

Почему Нехо взялся за столь трудное дело, несмотря на то что государство еще не окрепло? Чем привлекало его Красное море? Судя по всему, его дальнейшей целью была страна

Офир, из которой прежние фараоны привозили много золота. Эта догадка подтверждается тем обстоятельством, что именно Нехо организовал первую морскую экспедицию вокруг Африки. Откуда он мог знать о возможности такого предприятия? Разве только из предположения о существовании Мирового океана, омывающего пределы суши.

Нехо должен был иметь веские основания для того, чтобы не отправлять свои корабли на север, напрямик из Нила в Средиземное море, а затем на запад, к неведомым землям за Столбами Геракла. Ведь он знал, что из Красного моря можно попасть в Персидский залив, к устью Тигра и Евфрата, а также в Индию, торговля с которой могла быть прибыльной. Однако избрал другой маршрут – вдоль восточного побережья Африки.

Напрашивается вывод: перед экспедицией такая цель – обогнуть Африку – не ставилась. Никто на свете в те времена не мог знать, что такая задача выполнима. Идея Мирового океана оставалась гипотезой, предположением, догадкой – не более того. Да и какой прок в том, что эта идея (даже не полностью, а лишь частично, для южных земель) получит подтверждение? Никакого проку.

Остается предположить, что перед мореплавателями – египтянами и финикийцами – стояла другая задача: восстановить торговые связи со страной Офир, бывшим главным поставщиком золота в Египет, а при царе Соломоне – и в Израильско-Иудейское царство.

Об этой секретной цели могли знать только руководители экспедиции. В случае успеха предприятия фараон, естественно, хотел иметь монопольные связи с Офиром. А канал позволил бы совершать плавания в эту страну непосредственно из Нила. Таким образом, получают разумное объяснение и строительство канала, и выбранный маршрут вдоль восточного побережья Африки, а также то, что экспедиция оказалась кругосветной... Почему так получилось? По той простой причине, что страну Офир путешественники не обнаружили. Правда, по словам Геродота, все было иначе:

«Ливия, оказывается (как видим, для Геродота это было открытием. – Р. Б.), кругом омываема водой за исключени-

ем той части, где она граничит с Азией; первый доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив (Красного моря. – *Р. Б.*), он отправил финикийян на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы Столбы, пока не войдут в Северное море (Средиземное. – *Р. Б.*) и не прибьют в Египет. Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море...»

Прервем цитату. Задумаемся: мог ли фараон приказать морякам обогнуть Ливию (Африку), если никто на свете не был уверен, что такое возможно? Даже великий географ Геродот – крупнейший знаток географии тех времен, – и тот сомневался в этом, даже после завершения экспедиции (его рассуждение на сей счет будет приведено ниже). Разумно предположить, что «приказ» фараона был придуман позже, когда путешественники неожиданно вернулись в Египет с запада. В действительности Нехо II вряд ли надеялся на такой исход экспедиции. Он ожидал, судя по всему, возвращения из страны Офир судов, полных золота.

Как проходило плавание? Обратимся к Геродоту: «При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засекали землю и дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плаваньи два года, и только на третий год они обогнули Геракловы Столбы и возвратились в Египет».

Здесь великий географ допускает одну простительную

ошибку: в тропиках, где проходило плавание, в отличие от Европы, нет осени как особого времени года. Сеять зерно и получать урожай путешественники могли в любой сезон. В среднем, они проходили около 20 км в день. Практически все земли на африканском побережье были обитаемы. Путники могли приобретать еду в обмен на товары или захватывать ее силой.

Не исключено, что длительные остановки были в тех местах, где они надеялись встретить золотообильную страну Офир. Но ее так и не удавалось обнаружить. Приходилось продолжать маршрут. Ведь никаких более или менее четких координат страны руководители экспедиции не знали. Оставалось продвигаться все вперед и вперед.

После того как миновали экватор, им стали благоприятствовать океанические течения. По этой причине путешественники без особых трудностей могли пройти южную оконечность материка и вновь с попутными течениями двинуться к экватору, но уже на западе Африки. Возвращаться обратно теперь им было бы очень трудно. Понимая это, они продолжали свой «кругной путь» в надежде, что все-таки существует Мировой океан, омывающий сушу.

А теперь вспомним об одной скептической ремарке Геродота. Вот что он счел нужным приписать после сообщения об экспедиции Нехо II: «Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикийцы видели солнце с пра-

вой стороны».

Представим себе, где видели солнце путешественники, плывя на юг вдоль восточного берега Африки. Оно вставало слева впереди и двигалось по небосводу направо. Так оно видится в том случае, если находишься лицом к Южному полюсу. Миновав экватор, где Солнце в зените стоит точно над головой, они оказались в Южном полушарии. Теперь для них светило вставало по-прежнему слева, но уже сзади. А после того, как миновали южную оконечность Африки и пошли на север, Солнце всходило справа.

Таким образом, скептическая оговорка Геродота стала наиболее веским доказательством путешествия вокруг Африки. Ни Геродот, ни сами мореплаватели, никто из их современников так и не поняли, что был пересечен экватор и открыто Южное полушарие планеты.

Экспедиция, снаряженная фараоном Нехо II, знаменательна не только географическими достижениями. Она стала первой, зарегистрированной по всем правилам науки, имеющей даже точную хронологию (597–594 годы до н. э., ибо они вернулись на следующий год после смерти Нехо II). А если все было точно так, как полагал Геродот, и фараон, в отличие от хитроумного Соломона, не рассчитывал получить от экспедиции золота, то это было первое научное предприятие – не ради выгоды, а во имя познания.

Еще раз повторю: трудно поверить в такую сугубо научную цель экспедиции, снаряженной просвещенным фарао-

ном Нехо П. Однако исключать ее напрочь не следовало бы. Как знать, какие морские экспедиции могли проводиться, скажем, во втором тысячелетии до н. э., когда существовали торговые связи между Критом и Египтом? Ведь и страна Офир могла процветать в те времена, а затем прийти в упадок. Не потому ли посланцы фараона так и не смогли ее обнаружить? Тем более что к середине первого тысячелетия до н. э. перестали существовать величественные цивилизации Крита и долины Инда.

Страны олова и янтаря, земля Туле (Северо-Западная Европа)

Эти регионы были заселены людьми издавна, со времен окончания последнего оледенения, не менее 10 тысячелетий назад. Более того, олово из Британии и янтарь из Прибалтики попадали в южную Европу, в Средиземноморье. Однако подобные перемещения вещей еще не означают таких же путешествий людей.

Первым географом, который обследовал западную окраину Европы, был астроном и путешественник Пифей. Путешествие Пифея совершено было в VI веке до н. э.

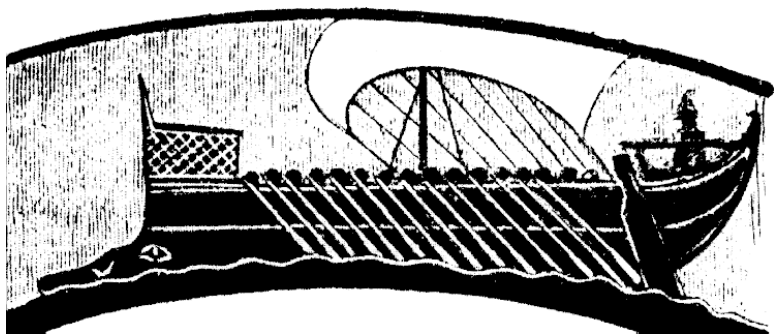
К нашему времени труды Пифея дошли почти исключительно в пересказах. Один из немногих сохранившихся отрывков житель Средиземноморья, действительно, мог счесть чистой фантастикой: «Варвары показали нам то место, где Солнце отправляется на покой. Ибо случилось как раз, что ночь в этих областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа».

Просвещенный римлянин вряд ли сомневался, что Земля имеет форму шара и что на севере летом долгие дни. Но он так же был уверен в невозможности для человека жить в сумрачной и нестерпимо холодной северной стране.

О том, кем и с какими целями была организована экспедиция Пифея, сведений нет. По-видимому, предприятие бы-

ло секретным и предназначалось для выяснения морского пути к месторождениям олова и янтаря, которые доставлялись в Средиземноморье по суше. Не случайно «научным руководителем» экспедиции назначили Пифея: он был известным астрономом, с большой точностью определил географические координаты Массалии, а также выяснил, что точное направление к Северному полюсу не вполне совпадает с Полярной звездой.

Вот какие сведения о путешествии и наблюдениях Пифея привели в своих сочинениях античные авторы – Диодор Сицилийский, Плиний Старший и Аэлис.

Древнегреческий корабль (рисунок на античной вазе)

«Жители Британии, обитающие около мыса Белерион (современный Ленд-Энд), весьма гостеприимны... Они добывают олово, искусно выплавляя его из руды... Олово скупа-

ют у жителей купцы и переправляют его в Галлию. Наконец, олово перевозят по суше на выючных лошадях через Галлию, и через 30 дней оно попадает к устью Роны».

«Самой далекой из всех известных земель является Туле, где во время солнцеворота, когда солнце проходит знак Рака, нет ночей, но очень мало света в зимнее время... Некоторые упоминают еще другие острова (севернее Британии): Скандию, Думну, Берги и величайший из всех Бергион».

«За сорок дней Пифей объехал весь остров Британию. Шесть дней плыл по Северному морю в землю Туле (Норвегию?). Достиг Ютландии, Северо-Фризских островов...»

Что это за страна Туле (или Фуле, как нередко переводят)? Вот что пишет по этому поводу Страбон: «Пифей заявил, что прошел всю доступную для путешественников Бреттанию, он сообщил, что береговая линия острова составляет более 40 000 стадий (свاته 6 тыс. км), и прибавил рассказ о Фуле и об областях, где нет более ни земли в собственном смысле, ни моря, ни воздуха, а некое вещество, сгустившееся из всех этих элементов, похожее на морское легкое; в нем, говорит Пифей, висит земля, море и все элементы, и это вещество является как бы связью целого: по нему невозможно ни пройти, ни проплыть на корабле. Что касается этого, похожего на легкое, вещества, то он утверждает, что видел его сам, обо всем же остальном он рассказывает по слухам». Можно предположить, что у Пифея шла речь о густых туманах на северных морях.

«Люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них приготавливается и напиток. Что касается хлеба, говорит он, то, так как у них не бывает ясных солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях, ибо молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей».

Пифей первым сообщил о «замерзшем море» и мог во время плавания подойти близко к Северному полярному кругу. Поэтому его иногда называют первым полярным исследователем. В Балтийское море он, скорее всего, не заходил, но побывал в районе Нидерландов и Ютландского полуострова. Вряд ли он достиг Исландии, которая в то время, по-видимому, была необитаемой. Более вероятно, что он добрался до Норвегии или, во всяком случае, собрал о ней сведения.

...Путешествие Пифея со всей определенностью свидетельствует об относительности понятия «географическое открытие», когда речь идет о странах обитаемых. Тут, пожалуй, точнее было бы говорить не о географических открытиях, а об открытиях географов – людей, изучающих Землю. К ним, безусловно, относился Пифей.

Как бы мы ни относились к достижениям Пифея, надо иметь в виду, что он оставил описания не только увиденного и услышанного, но и тех измерений, которые он проводил, стремясь определять географические координаты отдельных

пунктов. Это уже вполне научный подход, несмотря на то что многие его измерения были не точны.

Покорение Великого океана (Океания)

«Установлено, – писал австралийский археолог П. Беллвуд, – что примерно в XIII в. до н. э. повсюду от Новой Гвинеи до островов Тонга, между которыми 5 тысяч километров, распространились носители однородной археологической культуры, которая, судя по данным радиоуглеродного анализа, расселялась очень быстро... Можно утверждать, что они были искусными мореходами. Именно эти "викинги Тихого океана" стали культурными героями полинезийских мифов». По его мнению, сначала открывали острова небольшие группы колонистов. Они целенаправленно пускались на поиски новых земель. К середине первого тысячелетия до н. э. этот процесс замедлился или прекратился. Спустя несколько веков группы «поисковиков» снова стали отправляться в открытый океан, добираясь до самых отдаленных необитаемых островов.

Почему возникла новая волна «морских переселенцев»? Скорее всего, к этому их вынудила перенаселенность освоенных островов, а также истощение на них природных ресурсов (прежде всего почв). Подобные экологические причины и на материках вызывают великие переселения народов.

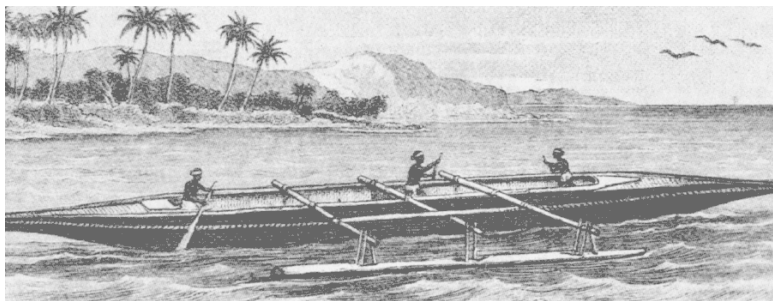
Некоторые ученые предполагают, что на дальние морские

путешествия людей толкало стремление завязать торговые операции или завоевать и разграбить владения других племен. Разбойные набеги островитяне действительно совершали. Но это были именно военные отряды, которые отправлялись на свой пиратский промысел, заранее выведав, где и чем можно поживиться. Если такой военный отряд попадал на необитаемый остров, пригодный для житья, этим открытием племя вполне могло воспользоваться.

Вероятно, существовали племена своеобразных морских кочевников по типу бродячих скотоводов и охотников на суше. Они снаряжали не просто отдельные плоты, а целые флотилии; брали с собой женщин и весь небогатый скарб. Они сознательно уходили на поиски новых островов-оазисов среди безбрежной океанской пустыни. На что рассчитывали эти люди, пускаясь в столь опасные плаванья к неведомым берегам? Вряд ли на «авось». Они знали, что в океане существуют острова, что он вовсе не беспредельное однообразное водное пространство. Они имели представление о периодах штормов и штилей, преобладающих ветрах и течениях океана.

Океанийцев с полным основанием можно называть людьми океана. Он был для них как дом родной (как пустыня для кочевников). По каким признакам они ориентировались в открытом океане? По Солнцу и звездам. Каким образом они находили направление к островам? По путям перелетов птиц, по облакам, которые нередко скапливаются над остро-

вами, по характеру волн... Они умели читать книгу Великого океана, хотя и не всегда рассудком, а чаще – интуитивно, живя в единстве с природой.

Лодка с балансиrom. Океания

Странники Океании изобрели уникальные лодки с одним или двумя балансирами. По-видимому, таков был конечный результат эволюции плота, из которого изымали «лишние» бревна. Затем оставшиеся бревна заменили долбленками, скрепили их настилом, а на нем установили мачту с парусом и хижину. Вот и получился настоящий плавучий дом! Лодка с балансиrom двигалась преимущественно на парусе, имея рулевое весло. Форма паруса – треугольная (острием вниз). Изготавливали его из листьев пандануса или циновок. Скорость лодки достигала 20 узлов. Наиболее маневренные из подобных судов служили для «морской разведки», а крупные – для перевозки грузов, переселения семей.

С приходом европейцев мореплавание у океанийцев пришло в упадок: судостроение заглохло, а навыки навигации были утрачены. Правда, в Меланезии еще в XIX веке была широко распространена лодка «урумбай» – похожая на древнеегипетскую ладью с вместительной надстройкой в центре и с двумя мачтами. Урумбай был хорошо приспособлен для дальних плаваний.

Наиболее знамениты крупные лодки – моны – воинственных жителей Соломоновых островов. Для изготовления монов использовались строительные стволы деревьев тима, почти без сучьев. Такое судно имело высоко вздыбленные нос и корму и вмещало до 100 человек. Борта украшались перламутровыми инкрустациями, на форштевень насаживали крупные панцири улиток овула и устанавливали талисман – деревянную фигуру обожествленного предка. Бывало и так, что здесь же красовались отрубленные головы врагов – пиратские трофеи.

Однако при всем относительном совершенстве урумбаев и монов трудно поверить, что на подобных судах океанийцы взад и вперед бороздили Великий океан. Скорее всего, морские переселенцы вынуждены были отправляться в дальние плавания без надежды на возвращение к родным берегам, отдаваясь во власть течениям и ветрам и лишь временами корректируя свой маршрут по признакам сравнительно близкой земли или по сообщениям разведчиков о существовании вновь открытого острова.

«Многие особенности плаваний океанийцев убеждают, — писал П. Беллвуд, — что их мореходное искусство достигло высокого уровня и что они были бесстрашными людьми... Можно утверждать, что заселение Полинезии не было связано с экипажами случайно занесенных сюда лодок. В Полинезии течения, проходящие к северу и югу от экватора, движутся с востока на запад со скоростью до 40 км в день, а течение, идущее в обратном направлении, существует только в узкой полосе между 4° и 10° с. ш. Пассаты дуют также с востока на запад, и только летом их иногда сменяют прерывистые западные ветры. Естественно, что большинство плаваний, зафиксированных в Полинезии, имело направление с востока на запад...»

Возможность дальних морских экспедиций полинезийцев была подтверждена в эксперименте, проведенном в 1977–1978 годах. С этой целью была построена двойная лодка (катамаран) по традиционному полинезийскому образцу с двумя мачтами и палубой площадью 8 кв. м. Общие размеры судна 18×4,5 м, грузоподъемность 11,3 т. Экипаж состоял из 15 человек; груз — местные продукты питания, свинья, собака, две курицы и семена растений.

Эта лодка под названием «Хокулеа» преодолела путь в 5 тысяч километров за 35 дней, выйдя с острова Мауи на Гавайях и достигнув Таити. Затем она проделала путь в обратном направлении. Временами приходилось идти против ветра, пересекая течения, тем не менее экспедиция завершилась

успешно.

Современные эксперименты типа плавания «Хокулеа» или Хейердаловского «Кон-Тики» имеют более туристическое, чем научное значение. В подобных экспедициях необходимо учитывать не только технические возможности, но и иметь соответствующую информацию, которой не было у первооткрывателей. Вот почему их географические подвиги восхищают и озадачивают нас.

Первооткрыватели островов Океании затмили славу тех европейцев, которые стали заново открывать эти обжитые «оазисы в океане» в XVI и последующих веках. После того как в 1520 году экспедиция Магеллана пересекла Тихий океан, просвещенные европейцы получили более или менее верное представление о размерах земного шара и распределении на нем суши и океанов. Имея навигационные приборы, достаточно надежные суда и постоянно уточнявшиеся карты, опытные и искусные европейские мореходы получили возможность пересекать Тихий океан в разных направлениях.

В XIX веке исследователи островов Тихого океана попытались ответить на вопрос: кто же были те люди, которые первыми заселили острова Океании? Антропологи находили сходство представителей местных племен (включая аборигенов Австралии и Новой Гвинеи) с разными расами, в том числе африканской, европейской и восточно-азиатской. Как это могло произойти? Были выдвинуты разные предпо-

ложения. В числе их – гипотеза существования в Тихом океане затонувшего континента (Пацифика, Му) с высочайшей культурой. Или другое предположение – освоение Океании выходцами из Европы. Наконец, была разработана идея последовательных волн пришельцев в Океанию из разных регионов.

В настоящее время наибольшей популярностью пользуется идея о происхождении полинезийцев от племен, обитавших в юго-восточной Азии, а также о возможных волнах переселенцев из Южной Азии или из Северо-Восточной Африки.

Но одно существенное обстоятельство ученые не учитывают: первые покорители Тихого океана могли обладать своеобразными расовыми признаками, сочетающими черты, характерные для нескольких современных рас. Скажем, кроманьонцы, поселившиеся в Австралии, Меланезии, на Тасмании, а затем начавшие освоение Океании, вовсе не обязательно были ярко выраженными представителями одной из ныне существующих рас. Они могли обладать собственными особенностями и более широким разнообразием признаков. В последующем эти племена, обитая долгое время в относительной изоляции и в определенных природных условиях, стали приобретать более узкую «биологическую специализацию».

Крупнейший остров планеты (Гренландия)

Северо-Западная Европа в начале новой эры все плотнее заселялась предприимчивыми сильными и смелыми людьми. Они пасли скот, занимались земледелием, охотились, ловили рыбу. Однако, несмотря на сравнительно мягкий климат Скандинавии, пригодных для ведения сельского хозяйства земель было не очень много. Да и почвы быстро истощались. Увеличение плотности населения при невозможности вести более интенсивное земледелие и скотоводство вызывало внутренние конфликты. Все больше молодых сильных людей стало уходить на разбойный морской промысел – в викинг, как это у них называлось.

В 867 году один из предводителей викингов, Наддод, с дружиной возвращался из Норвегии в свои владения на Фарерских островах. Шторм отбросил его дракар далеко на северо-запад. Он увидел гористую землю с заснеженными горами и назвал ее Исландией. Возможно, ему не хотелось, чтобы она привлекла к себе людей.

Вскоре другая группа викингов во главе с Гардаром обнаружила эту землю, обошла ее и убедилась, что это остров, к тому же достаточно привлекательный. Норвежский хроникер Ари Торгильссон Фроде оставил такое описание: «В те времена Исландия от гор до берега была покрыта лесами, и

жили там христиане, которых норвежцы называли папарами. Но позже эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи; из этого видно, что они были ирландцами».

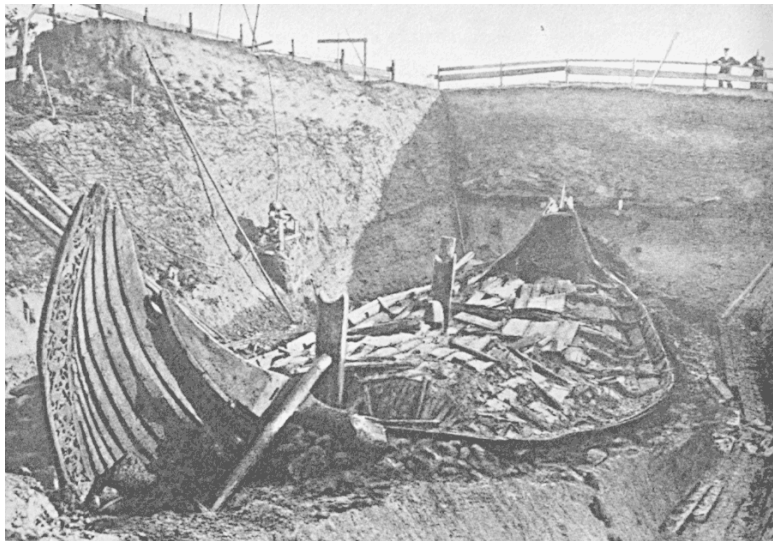
Такому острову вполне подошло бы имя Гренландия. Но почему-то норвежцы предпочли назвать его «ледяной землей». По одной из версий, на выбор названия повлияло впечатление от зимовки, которую провел на острове один из князей, викинг Флоки, приплывший из Норвегии. Эти переселенцы не запаслись в достаточном количестве кормом для скота. Зима оказалась долгой и многоснежной, скот погиб. Люди не могли покинуть землю, потому что море было покрыто льдом. С немалыми лишениями они дотянули до лета и вернулись на родину.

Со временем на острове наладилась жизнь не только хозяйственная, но и государственная. В 930 году жители на общем сборе постановили учредить верховный совет – альтинг. Это был первый парламент в мире. Альтинг позволил жителям острова наводить порядок и согласовывать свои действия, бороться с преступностью. Это обстоятельство сыграло свою роль в открытии новой земли.

Владелец одного из поместьев, Эйрик, по прозвищу Рыжий, в ссоре, перешедшей в схватку, убил двух человек. Его осудили на три года ссылки. Обстоятельства этого дела неясны. По-видимому, были какие-то спорные вопросы по владению землей или давние распри; и произошла не просто дра-

ка, а целое побоище. Эйрик со своими людьми в 981 или 982 году погрузились на дракары – остроносые длинные ладьи – и покинули Исландию. Им пришлось осваиваться на неприветливых пустынных берегах, за которыми громоздились ледники. Мореплаватели двинулись на юг вдоль берега, выбирая подходящую гавань с зелеными лугами, пригодными для скотоводства. Они прошли более 600 км до южной окраины острова и устроили поселение. Вот как описал это событие Ари Торгильссон Фроде:

«Страна, называемая Гренландией, была открыта и заселена из Исландии. Оттуда направился в Гренландию Эйрик Рыжий из Бейди-Фьорда. Он дал стране имя, назвав ее Гренландией; он сказал, что люди захотят туда отправиться, если у страны будет хорошее название. Они нашли на востоке и на западе страны следы жилья, а также остатки лодок и каменных орудий. Так рассказал Торкелю, сыну Геллира, в Гренландии человек, который сам был в этом путешествии с Эйриком Рыжим».

Раскопки ладьи викингов в Норвегии

После первой зимовки переселенцы обследовали западные берега острова тоже примерно на 600 км. Местами попадались участки, где можно было организовать поселения. Эйрик из несчастного изгоя превратился в хозяина обширной страны. Одна беда – природа была сурова. И другая – не было населения. Как привлечь сюда людей?

К тому времени, по-видимому, в Исландии не осталось территорий, более или менее пригодных для обитания. Когда, отбыв срок наказания, Эйрик вернулся на родной остров, ему удалось уговорить немало людей отправиться в

Гренландию – зеленую страну. Тем более что она находилась (в своей обследованной Эйриком части) на тех же широтах, что Исландия, даже еще южнее.

Эйрик не слишком преувеличивал, называя открытую им землю «зеленой». Он не мог знать ни истинных размеров острова – самого крупного в мире, ни того, что он почти целиком находится под ледяным покровом. Исследователи не заходили в глубь острова, а его побережье почти везде, особенно на юго-западе, действительно было зеленым. Возможно, кое-где в долинах встречались даже небольшие рощицы. Прибитые к берегу стволы деревьев служили строительным и отопительным материалом.

В 985 году Эйрик повел к новой земле целую флотилию – 25 судов с семьями, пожитками, домашним скотом. В пути их застиг шторм. Несколько дракаров затонуло, немногие повернули назад, но большая часть достигла Гренландии. Всего прибыло, как предполагается, 400–500 человек. Они расселились на южной окраине великого острова в местах, заранее выбранных Эйриком. Население Гренландии росло. В XIII веке здесь уже было около сотни небольших поселков и до пяти тысяч жителей. Однако в XIV веке ситуация на острове стала все более ухудшаться, поселения приходили в упадок, люди все чаще болели и умирали. Через двести лет норманнское население Гренландии почти полностью вымерло.

Многие географы полагают, что виной тому – полоса по-

холоданий, так называемый «малый ледниковый период». Однако нет никаких причин для подобного глобального изменения климата. Было ли оно? В любом случае самое существенное другое: изменилась политическая ситуация в Северо-Западной Европе. Исландия в 1281 году потеряла независимость и была присоединена к Норвегии. Теперь торговые связи гренландцев с Исландией нарушились, перестали быть регулярными.

Еще примерно через столетие Дания установила свою власть над Норвегией. В Гренландию и вовсе почти совсем перестали ходить суда. Поселенцам приходилось все чаще вступать в вооруженные стычки с эскимосами, теснившими их с севера, куда они вынуждены были ранее отступить. О спокойной и сытной жизни теперь оставалось только мечтать. Ведь сельское хозяйство, и без того требовавшее больших трудов, пришло в упадок: на севере почвы быстро теряют плодородие, а растительный покров плохо возобновляется.

Датчане отправляли в Гренландию лишь один корабль в год (всем другим запрещалось иметь торговые связи с северными островами). Лишенные полноценного питания, хорошей древесины и металлических инструментов, орудий охоты, нормандцы попали в критическое положение. Те из них, кто не умер и не переселился на материк, порушили церквушки и смешались с эскимосами.

Весть о Новом Свете (путешествие Бьярни к Северной Америке)

Если взглянуть на карту Северной Атлантики, то нетрудно убедиться, насколько просто сюда попасть с юго-западной окраины Гренландии. Мореходы, которые отважно пускались в открытое море, могли, безусловно, преодолеть расстояние в 500 км (если считать вдоль полярного круга) или 800–1000 км (от южной оконечности острова).

Почему-то уходить в открытый океан на далекие расстояния осмеливались немногие народы. Это были жители Юго-Восточной Азии и Северо-Западной Европы. Первые преодолели Атлантический океан, а вторые – Тихий.

Плита на могиле викинга

Викинги были бесстрашными воинами и моряками, а «страшилки» о крае света и ужасных обитателях дальних стран не имели над ними власти. Об этом свидетельствует уже сам стиль их преданий – четкий и деловой, как запись в корабельном журнале. По сути, это и были отчеты о плаваниях, передававшиеся из поколения в поколение и помогавшие хранить десятки, а то и сотни лет сведения об особо важных экспедициях. Можно только удивляться, как удалось им документально, без искажений и домыслов пересказывать свои устные «корабельные журналы». Вот один из таких рассказов:

«Бьярни прибыл на своем корабле в Эйрад [Исландия] летом. И его дружина обратилась к нему, спрашивая, что он собирается предпринять, и он ответил... "Я намерен отправиться в Гренландию, если вы захотите плыть вместе со мной". Все сказали, что отправятся с ним...

Они вышли в море, как только закончили все приготовления, и плыли трое суток, пока земля не исчезла за волнами... Тут попутный ветер улегся, подул северный ветер и лег туман, так что они не знали, где находятся, и длилось это много дней. Потом они вновь увидели солнце. Они подняли паруса и плыли весь этот день и еще ночь, а затем увидели землю.

...Они прошли мимо этой земли, оставив ее слева. Затем плыли еще двое суток и вновь увидели землю. Они спросили

Бьярни, не думает ли он, что это Гренландия. Он сказал, что эта земля вряд ли Гренландия, ибо в Гренландии, как рассказывают, много больших ледников. Вскоре они приблизились к земле и увидели, что она ровная и покрыта лесом...

Они плыли еще четыре дня и затем... увидали землю. Они спросили Бьярни, не думает ли он, что это Гренландия. Бьярни ответил: "Эта земля похожа на то, что мне рассказывали о Гренландии. Здесь мы высадимся на берег".

Так они и поступили, и вскоре пристали к какой-то косе. Там лежала лодка, а неподалеку от косы жил Херьюльф, отец Бьярни».

В этом «Рассказе о гренландцах», впервые записанном в XIII веке (до этого он передавался устно), поражает выдержка и дисциплинированность викингов, их умение ориентироваться в открытом море, а также знание особенностей береговой полосы. Некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что они могли пользоваться во время плаваний примитивными компасами: обломками магнитного известняка, плавающими на дощечке. В некоторых сагах упоминается навигационный кристалл. Действительно, некоторые прозрачные кристаллы, например, так называемый исландский шпат, позволяют находить положение Солнца в облачную погоду.

Так или иначе, а Бьярни и его дружина были, судя по всему, первыми европейцами, увидевшими приблизительно в 985 году берега Нового Света – за пятьсот лет до Колумба.

Это было замечательное географическое открытие. Теперь норвежские мореплаватели узнали о том, что на запад от Гренландии находится неведомая земля. Оставалось только ее обследовать и по возможности освоить. В этой экспедиции Бьярни, как рассказывается в «Саге об Эрике Рыжем», погиб.

Первооткрыватели Нового Света (викинги в Америке)

Весть о том, что Бьярни видел берег неведомой земли, расположенной за студеным морем к западу от Гренландии, быстро распространилась среди викингов. Лайф, который получил прозвище Счастливый, всерьез заинтересовался сведениями о неведомых берегах, покрытых лесами. Он решил добраться туда. Об этой экспедиции, которая имела место примерно в 1000 году, сохранились достаточно четкие и подробные сведения.

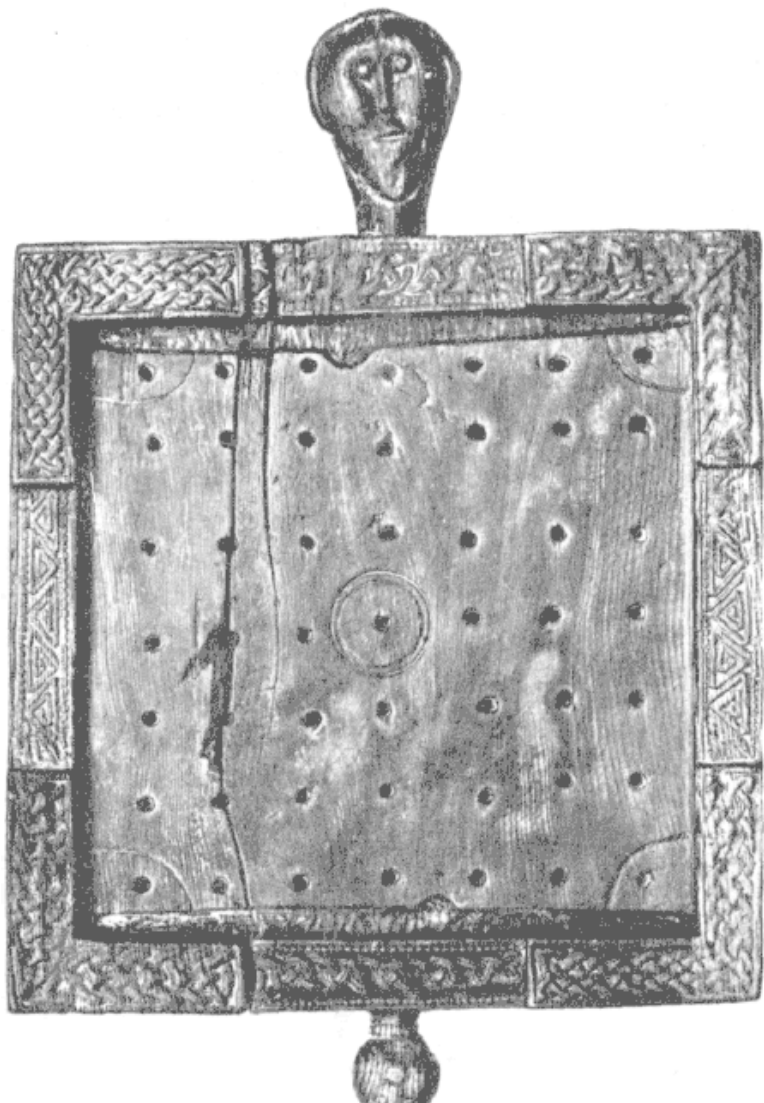
Судя по словам Лайфа, приведенным в саге, он вполне сознательно, с пониманием важности своей миссии стал первооткрывателем. К сожалению, нет достоверных данных о местоположении обнаруженных земель. По одним версиям, это был полуостров Лабрадор, по другим – северный берег Ньюфаундленда.

Путешественники вернулись в Гренландию с грузом бревен. На следующий год брат Лайфа Торвальд повторил этот маршрут. Норманны обстоятельно обследовали берега и обнаружили местных жителей – «скрелингов». В дословном переводе это означает «карлик, ничтожество»; так называли норманны эскимосов, а затем и американских индейцев.

В саге дано совершенно реалистическое описание скрелингов – темнокожих, с неопрятными волосами, широкими

скулами, большими глазами (видимо, в отличие от привычных норманнам эскимосов) и свирепым обликом. Они отдавали ценные меха за полоски красной материи, которыми подвязывали волосы. Железа они не знали, а от ревущего быка разбежались в страхе.

Переход к освоению новых земель у викингов оказался драматичным. В бою со скрелингами был пронзен стрелой Торвальд. Тело его осталось навсегда на новом континенте. Несчастье подстерегло и Эриксона, третьего брата Лайфа, умершего в пути во время следующей экспедиции.

Деревянная доска викингов для игры, напоминавшей шашки или шахматы

В 1007 году туда же отправилась флотилия из четырех кораблей, на которых кроме ста шестидесяти мужчин были женщины и домашние животные. Возглавил экспедицию Торфин Карлсефни, женившийся на прекрасной вдове Эриксона Гудриде. Началась колонизация новых земель. На следующий год у Торфина родился сын Снарро.

Поначалу переселенцы были довольны и вели активные торги с туземцами, обменивая кусочки красной материи на ценные меха. Но вскоре начались столкновения с местными жителями. В конце концов множество скрелингов напало на поселение. Несколько норманнов было убито. Остальные, чтобы не искушать судьбу, вернулись в Гренландию с грузом леса и мехов.

В дальнейшем освоение северо-восточной части Америки шло при постоянных стычках с местным населением. Немногочисленным переселенцам трудно было жить в этих условиях. В лесах индейцы чувствовали себя, как дома, и справиться с ними было невозможно. Через несколько десятилетий норманны вынуждены были покинуть благодатный Винланд со столь негостеприимными обитателями. А позже так же поступили и переселенцы в Гренландию. В наше время археологам удалось обнаружить и изучить остатки поселений норвежцев в Гренландии, а также материальные сле-

ды их пребывания на северо-западе Америки, в частности, на севере острова Ньюфаундленд.

Значит, в истории человечества замечательные достижения средневековых скандинавов – открытие крупнейшего острова планеты и нового материала – прошли бесследно? Вряд ли. Все-таки саги и последующие пересказы сохранили в памяти народа сведения о землях за океаном. Даже оставаясь в Исландии или в Норвегии, люди понимали, как широки пределы обитаемого моря на все стороны света. Есть гипотеза, что отголоски этих сведений сохранились в Европе до времени Колумба и укрепляли его уверенность в существовании суши за Атлантическим океаном.

Трудно сказать, как сложилась бы история человечества, если бы у же в X веке началась успешная колонизация Северной Америки. Этому помешали прежде всего события в странах Северо-Западной Европы. Ослабление Норвегии, поражения викингов и прекращение постоянных связей исландцев и гренландцев с материком серьезно осложнили жизнь переселенцев на островах Северной Атлантики и в Новом Свете.

Идея Мирового океана в средние века не пользовалась популярностью. Европейцы ориентировались на наиболее обоснованные на тот период карты Птолемея и других ученых, предполагавших преобладание на планете суши над морем.

Где находятся открытые викингами земли, в частности та,

которую они называли Винланд, точно не установлено. Некоторые ученые предполагают, что это – полуостров Флорида, где встречается дикий виноград. Однако так далеко на юг викинги вряд ли проникали.

Во второй половине XX века при археологических раскопках на острове Ньюфаундленд были обнаружены следы поселения викингов: крытые дерном полужемлянки, кузница, баня, навес для лодок, черепки посуды. Здесь не оказалось ни оружия, ни человеческих останков. Судя по всему, в этом месте останавливались Лайф Счастливым с товарищами. Ведь последующие группы европейцев сражались с местными жителями, а их поселения скорее всего были уничтожены.

Америка оказалась «закрытой» для европейцев на пять столетий. Однако слухи о ней сохранялись веками. Прошло триста лет после «закрытия Америки», и Данте Алигьери в стихах восславил подвиг древних мореходов.

Но каким образом Данте мог узнать и описать пересечение Атлантического океана? Как образованный человек он, по-видимому, не сомневался в шарообразности Земли и возможности достичь восточной Азии или крупного острова (материка) на другой стороне Атлантики. Правда, если до него дошли отголоски преданий викингов о «Винланде», то путь мореходов был бы направлен на северо-запад, а не на юго-запад – к Северному полярному кругу, а не через экватор.

Скорее всего, в рассказе Данте сплелись воедино и старинные предания, и научные знания, и средневековые христианские представления о существовании где-то на краю света горы, за которой находится Рай. Именно такие ориентиры имел в виду Колумб, отправляясь в свое трансатлантическое плавание. Гений Данте предвосхитил его подвиг.

Самое дальнее плавание Средневековья (китайские мореходы)

О восточной окраине величайшего континента Евразии даже в позднем средневековье у европейцев были самые смутные представления. Ограниченность знаний отражали карты, где Малая Азия изображалась непомерно большой, а Центральная и Восточная – столь же уменьшенными. О северо-восточной окраине Азии и вовсе не было никаких сведений.

Между тем там едва ли не самой обширной и многолюдной страной в мире был Китай. Он простирался от Маньчжурии до Вьетнама. Великий шелковый путь соединял Китай через Центральную Азию с Европой.

Китайские мореплаватели посещали преимущественно берега Юго-Восточной и Южной Азии, заходя из Тихого океана в Индийский. Более или менее регулярная связь с Индией поддерживалась преимущественно морским путем.

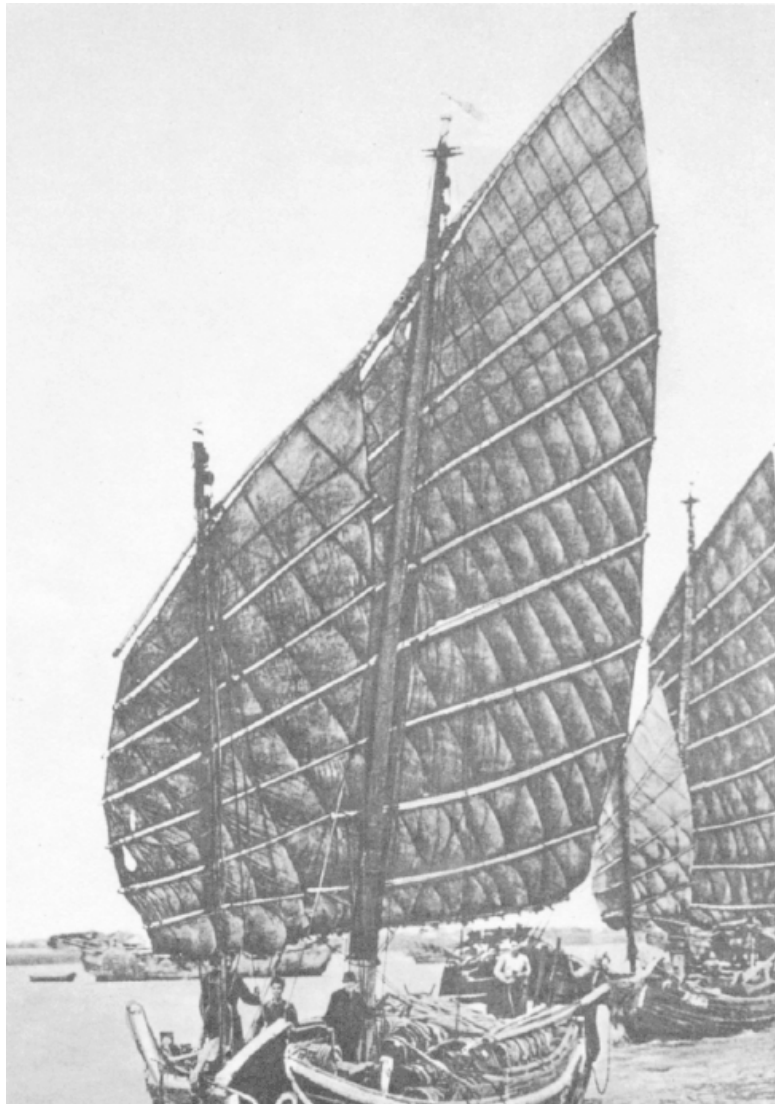
Ими был изобретен компас и не исключено, что именно опыт дальних морских плаваний привел их к идее шарообразности Земли.

Об одном из путешествий морским путем в Индию сохранилось свидетельство буддийского монаха И Цзина. Вдоль

берегов Индокитая и Малакки он добрался до Суматры. На юге этого острова в крупном городе Шриваджаи (ныне Палембанг) он прожил несколько месяцев, изучая санскритский язык и знакомясь с буддийской литературой. Затем на торговом судне через Малаккский пролив вышел в Индийский океан, пересек Бенгальский залив и достиг устья Ганга. Посетив индийские святыни, он вернулся на родину также морским путем, составив описание своего путешествия, которое длилось с 689 по 695 год.

По-видимому, в средние века китайские мореплаватели достаточно регулярно посещали острова Индонезии, Филиппины, Индию, Цейлон, доходили до Аравийского моря и берегов Восточной Африки. В дальние страны они доставляли изделия из шелка, фарфора, металлов, а на родину привозили золото, пряности, рога носорогов и бивни слонов, ценную древесину.

Грандиозным морским предприятием средневековья стала экспедиция под командованием Чжэй Хэ (или, в другой транскрипции, Чень Хо), евнуха при императорском дворе. Он успешно командовал во время сложнейших морских переходов крупным флотом, состоявшим из 317 судов и 27 тысяч человек – моряков, солдат, навигаторов, картографов.

Китайские джонки, мало изменившиеся со времен Средневековья

Китайские джонки XV века были крупнее европейских судов того времени и фактически ничем не уступали им по своим мореходным качествам. То же можно сказать о достижениях китайских навигаторов и картографов. Все это предопределило успех экспедиции Чжей Хэ. Флотилия прошла вдоль берегов Юго-Восточной Азии, посетила Индокитай, острова Малайского архипелага, и, возможно, некоторые разведывательные корабли достигли северо-западного побережья Австралии.

Войдя в Индийский океан, флотилия миновала Индостан, Персидский залив, Аравийский полуостров и прошла вдоль восточного берега Африки. Не исключено, что при этом они обогнули мыс Доброй Надежды (тогда еще остававшийся безымянным, ибо лишь в конце XV века португальцам удалось пройти с запада этот путь). Во всяком случае на китайской карте 1420 года вполне достоверно показана часть юго-западного побережья Африки.

Всего с 1405 по 1433 год Чжей Хэ совершил семь больших плаваний. Однако они не имели дальнейшего развития в виде укрепления торговых и политических связей Китая с дальними странами, расширения границ и влияния Поднебесной империи. По всей вероятности, правители ее укрепились в мнении, что им не приходится ожидать ничего хоро-

шего от сопредельных, а тем более дальних стран. По-видимому, в этом их окончательно убедили материалы экспедиции славного флотоводца Чжей Хэ.

Великий мореплаватель, предпочитавший не плавать (принц Генрих Португальский)

Прозвище португальского принца Генриха (инфанта Энрике) – Мореплаватель – не соответствует истине. В этом качестве он не отличился, да и в море выходил не часто. И все-таки по справедливости его имя вошло в историю морских путешествий и открытий.

Прежде чем продолжить рассказ о нем, обратим внимание на очертания Пиренейского полуострова. Гибралтарский пролив стягивает горловину «мешка» Средиземного моря, открывая выход в Атлантический океан. Здесь юго-западная оконечность Европы вплотную подходит к северо-западной оконечности Африки. В этой точке арабский мир средневековья столкнулся с европейским и потеснил его к северу. Арабы стали прямыми преемниками античной культуры. Они перевели много сочинений древних греков, с особым почтением относились к Аристотелю и проявляли глубокий интерес к наукам. В начале VIII века они переправились через пролив, названный ими Гибралтаром, захватив почти весь Пиренейский полуостров. Но результатом противодействия христианского мира мусульманскому стало создание Португалии. Хотя и позже на Пиренейском полуост-

рове сохранялось влияние арабской культуры (быть может, не столько в виде научных знаний, сколько в бытовании поэтических фантазий, волшебных сказок о чудесных странах и путешествиях).

Португальским мореплавателям и купцам был затруднен доступ из Атлантического океана в Средиземное море, где хозяйничали другие народы. Надо было искать иные пути. На север? Здесь господствовали голландцы, норвежцы, англичане, французы. На запад? Там – неведомый простор океана. Оставался путь на юг.

talant de brette

Принц Генрих Мореплаватель

В 1415 году португальский король Жуан I возглавил флотилию, направившись через Гибралтарский пролив к африканскому берегу. Там находился мавританский город Сеута. Король задумал одним разом решить сразу три задачи: разграбить богатый город; совершить богоугодное дело, разгромив мусульман, и посвятить в рыцари трех своих сыновей, из которых младшему, Генриху, исполнилось двадцать лет (посвященным считался достойный участник большого рыцарского турнира или настоящего сражения).

Ночью 15 августа португальская армада подошла к бухте Сеуты. Рано утром мавры высыпали на берег, потрясая оружием и выкрикивая угрозы пришельцам. Принц Генрих возглавил первый десант. Начался бой. Дождавшись подкрепления, Генрих дал сигнал к штурму города. Из крепости на них ринулся отряд мавров, и только благодаря мужеству Генриха враг был окончательно разбит.

Возвращались на родину с богатыми трофеями. Для принца Генриха самой желанной добычей оказались сведения, сообщенные пленными маврами. Он расспрашивал их о южной окраине Африки. К его удивлению, бывалые караванщики сообщили, что они пересекли пески и добрались до рек с пальмами по берегам; там местные чернокожие владыки торгуют золотом и рабами.

Генрих был не только доблестным воином, но и смелым

мыслителем. Уединившись в своем замке Сагреше у мыса Сент-Винсенте, он старался самостоятельно осмыслить все имевшиеся сведения о южных землях. Сопоставлял карты разных авторов, подаренные братом Педро, читал географические трактаты. А затем приступил к реализации грандиозного географического предприятия – достичь Индии. Пришлось вычерчивать карты, обучать мореходному делу молодых парней, мастерить навигационные приборы, строить надежные каравеллы. Генрих использовал часть богатств духовно-рыцарского ордена Христа, магистром которого он являлся, на создание мореходной школы и обсерватории.

Первоначально Генрих отправил морскую экспедицию точно на запад. По-видимому, он разделял мнение некоторых философов, что Земля – шар и надеялся проторить западный путь в Восточную Азию. Имеется сообщение португальского хрониста XV века Диегу Гомеша об экспедиции, которая открыла в 1432 году Азорские острова: «Поскольку принц Энрике [Генрих] хотел собрать сведения о более далеких частях Западного океана, чтобы выяснить, нет ли за пределами мира, описанного Птолемеем, какого-нибудь острова или материка, послал он однажды каравеллы искать землю. Они отплыли и нашли землю в 300 часах пути на запад от мыса Финистерре...

Они высадились на первый из них и нашли его необитаемым. Они прошли его весь и нашли там много ястребов и других птиц. Потом они посетили другой остров, который

называется теперь Сан-Мигел... Затем корабли вернулись в Португалию, и моряки сообщили своему повелителю эту новость. Он был ею весьма обрадован».

Принц Генрих решил сосредоточить усилия на поисках пути в Индию, огибая Африку. Но и здесь португальским мореплавателям пришлось столкнуться с немалыми трудностями – реальными и мнимыми. Об этом можно судить по свидетельству средневекового историка Валентина Фердинанда: «Никогда ни один человек не отваживался обогнуть мыс Бежадор (сейчас – Бохадор, на западной оконечности Африки) как из-за новизны этого предприятия, так и из-за старой легенды, распространенной среди испанских моряков, которая предвещала плачевные последствия. Царило большое смятение по поводу того, кто же первым не побоится рискнуть своей жизнью. Это ошибочное представление стоило инфанту больших затрат, ибо он в течение 12 лет беспрестанно посылал туда корабли, но ни разу не нашлось человека, который рискнул бы обогнуть тот мыс».

В 1433 году принц (инфант) Генрих отправил судно под командованием опытного капитана Жила Эанниша с заданием пройти роковую черту и обследовать южную оконечность Африки. Но и эта попытка оказалась тщетной. «В следующем году, – сообщает Валентин Фердинанд, – инфант повелел снова снарядить тот же самый барк и строго-настрого приказал упомянутому Жилу Эаннишу во что бы то ни стало обогнуть мыс. И тот действительно обогнул его... и обна-

ружил, что дело обстояло совсем не так, как изображалось по слухам».

...Генрих Мореплаватель представлял собой странную смесь религиозного фанатика, политического деятеля и ученого-натуралиста. Такое сочетание качеств позволило ему в те времена достичь больших успехов. Как убежденный крестоносец он верил в свою миссию – распространять учение Христа, искореняя магометанство и язычество; эта цель, помимо вдохновения, давала ему возможность пользоваться церковной казной. Политическая ситуация определялась могуществом Португалии, необходимостью для нее новых торговых партнеров, доступа к легендарным богатствам Индии, а также более реальным источникам золота и рабов на берегах Африки.

Его упорный труд продолжался без малого полвека. После долгих попыток португальцы, наконец, преодолели мыс Бохадор и начали с каждой новой экспедицией продвигаться все дальше на юг. За год они достигли Зеленого Мыса – западной окраины континента. Золота на новых землях оказалось слишком мало. Пришлось заняться охотой на людей. Тех, кто оказывал сопротивление, убивали. Хотя сам принц не был работоторговцем, он вынужден был поощрять это позорное занятие на благо государства и знати. Его уже не слишком заботило обращение дикарей в христианство. Зато он предусмотрительно получил от папы римского право Португалии на единоличную (монопольную) торговлю на

всех побережьях Африки, даже еще не открытых, вплоть до Индии.

В 1460 году принц Генрих скончался. Из всех начинающих ему удалось создать превосходный португальский флот и блестящую школу мореходов. Среди португальских мореплавателей были добросовестные летописцы, собравшие сведения о природных условиях, местных жителях посещаемых земель. Был даже смельчак, оставшийся на семь месяцев среди туземцев для того, чтобы лучше изучить их язык, нравы, обычаи. Западное побережье Африки было обследовано и закартировано на протяжении 3,5 тысячи километров. Португальцы строили лучшие в мире каравеллы – легкие, быстроходные, маневренные трехмачтовые парусники. На ближайшие сто лет благодаря Генриху был заложен прочный фундамент для дальнейших великих свершений.

Морской путь в Индию (португальские мореходы)

Теоретически путь из Португалии в Индию вокруг Африки был открыт уже в конце жизни Генриха Мореплавателя. Об этом сохранилось документальное свидетельство: карта мира размером больше человеческого роста. Ее составили в монастыре Мурано близ Венеции, и она получила название Большой Венецианской, или карты Фра-Мауро. На ней изображены Европа, Азия и Африка; океан простирается вокруг всей обитаемой суши, и по нему можно из Западной Европы достичь Индии, обогнув Африку.

...После мыса Бохадор критическим рубежом для португальских мореплавателей стала южная оконечность Африки. Главными природными помехами стали Бенгельское течение, штормы и юго-восточные пассаты. Для легких судов, идущих под парусами, преодолеть эти преграды было нелегко.

Некогда флотилия, снаряженная фараоном Нехо, избрала путь – случайно – наиболее удобный для того, чтобы обогнуть Африку: по часовой стрелке. Если же двигаться в обратном направлении вдоль берега, то на западе встречаешь сопротивление теплого течения. Оно проходит в северном направлении между островами Зеленого Мыса и материком. Правда, затем плаванью благоприятствует крупное теплое

на прямой и проходит не вдоль берега, а направлен через Атлантический океан, на юго-запад, затем – по Бразильскому течению на юг и, наконец, на восток. (Примерно такой курс избрал Васко да Гама). Так проявляется в географии принцип относительности пространства-времени: движение по направлению преобладающих ветров и течений Мирового океана проходит быстрее, чем по более короткому пути, но против атмосферных и морских течений.

На этом примере ясно видно, какое большое значение имело в истории мореплавания знание природных условий, в первую очередь – направления и силы воздушных и водных масс. Не удивительно, что подобные сведения держались в строгом секрете.

Итак, открытие португальцами морского пути из Западной Европы в Южную Азию продолжалось... 85 лет. Его началом обычно считают взятие Сеуты в 1415 году, а завершением – осень 1499 года, когда Васко да Гама возвратился в Лиссабон после посещения Индии. Первая половина этого открытия завершилась в 1462 году, через два года после смерти принца Генриха, когда его мореходы вошли в Гвинейский залив. Регулярные экспедиции в этом направлении начались лишь в 1470 году. Через 5 лет удалось перейти в Южное полушарие, правда, всего на два градуса, до мыса Св. Екатерины.

Следующие две экспедиции возглавил в 1482 году Диогу Кан. За четыре года он первым из европейцев углубил-

ся в пределы Южного полушария более чем на 20 градусов, обследовав полторы тысячи миль африканского побережья, вплоть до пустыни Намиб.

Значительный бросок на юг осуществил искусный мореход Бартоломеу Диаш (Варфоломей Диас). Его флотилия (из трех небольших кораблей) вышла в 1487 году из Лиссабона, начала обследовать берега южнее устья реки Конго (Заира) и прошла на юг дальше Диогу Кана вдоль пустынных земель, миновав зону Южного тропика. Сильное встречное течение и шторм заставили Диаша отклониться на запад, в сторону открытого океана. Их отнесло значительно южнее окраины континента (этого они, конечно, не могли знать).

Диаш взял курс на восток. Несколько дней они так и не смогли увидеть земли. Диаш справедливо решил, что они обогнули окраину материка, и повернул суда на север. Только 3 февраля удалось достичь берега. На лугу несколько полуголых пастухов пасли коров. Увидя незнакомцев, туземцы стали кричать и махать руками. Выстрелом из арбалета португальцы убили одного из них, остальные убежали.

Назвав бухту Пастушеской и набрав пресной воды, португальцы направились на восток. Однако команда стала роптать, устав от трудного плавания, потребовала возвращения на родину. Диаш упросил подождать еще три дня. Берег плавно поворачивал на северо-восток. Диаш был уверен, что теперь-то путь в Индию открыт. Увы, во избежание бунта команды, капитан вынужден был отдать приказ повернуть

назад. Единственным утешением ему стал водруженный его экспедицией каменный столб (падран) с крестом на самой дальней для европейцев точке африканского берега.

В марте 1493 года вернулся в Испанию Христофор Колумб, сообщивший о своем открытии за Атлантическим океаном островов Азии (за которые он принял острова Карибского моря). Папа Александр VI («самое совершенное воплощение дьявола на Земле», – по словам Стендаля) своим указом произвел раздел мира за Атлантическим океаном таким образом, что Португалии доставались земли южнее экватора, а Испании – севернее. Для португальцев стало ясно: необходимо освоить восточный путь в Индию. В 1497 году была организована новая экспедиция с целью обогнуть Африку и достичь желанной (для торговцев) Индии. Ее начальником новый король – Мануэл I – назначил знатного придворного Васко да Гаму.

Это предприятие считалось почетным и ответственным, однако чрезвычайно трудным и сопряженным с возможными военными действиями. Васко да Гама пятью годами раньше проявил свою находчивость, мужество и решительность в борьбе с французскими каперами (пиратами на государственной службе). Возможно, именно об этом вспомнил король, определяя начальника экспедиции – более военной и торговой, чем исследовательской. К тому же требовался авторитетный дипломат на случай, если доведется заключать торговые и политические соглашения с властями азиат-

ских стран. Васко да Гама не был опытным мореходом, но во всем остальном его кандидатура была вполне подходящей. А вести корабли могли отличные капитаны и штурманы, которых в стране было немало.

В июле 1497 года флотилия Васко да Гамы (четыре крупных судна) вышла в океан. Они направились на юг и, миновав острова Зеленого Мыса, вместо того чтобы войти в Гвинейский залив, стали огибать его с запада, все более отдаляясь от материка. Это позволило, подойдя к широте мыса Доброй Надежды и пользуясь течениями, повернуть на восток, сравнительно легко и быстро достигнув южной оконечности Африки.

В дельте реки Замбези португальцы вынуждены были остановиться на месяц для ремонта судов. Многие из моряков серьезно болели цингой, несколько человек умерло. Цинга – один из страшных врагов мореплавателей вплоть до второй половины XVIII века, вернее, не сама болезнь, а незнание ее причин и мер борьбы с ней. Даже среди пышной тропической растительности европейцы нередко умирали от этой болезни, так и не догадываясь, что вокруг имеются лекарства от нее – питательные растения, содержащие витамин «С».

Отправившись дальше на север, португальцы все чаще встречали суда арабских купцов, которые вывозили из этих районов рабов, слоновую кость, амбру, золото. Понимая, что европейцы являются их конкурентами, арабы делали все

возможное, чтобы затруднить их плавание. В крупном порту Момбаса, расположенном близ экватора, дело дошло до вооруженного конфликта. Васко да Гама проявил решительность и жестокость, приказывая пытаться пленных и захватывая торговые корабли как настоящий пират.

На следующей стоянке в гавани Малинди Васко да Гаму дружески встретил местный шейх (враждовавший с Момбасой) и дал им опытного лоцмана-араба Ахмеда Ибн Маджида, знатока мореходного дела. Он велел взять курс на северо-восток, в открытый океан. С попутным муссоном и морским течением они быстро достигли берега Индии и 20 мая 1498 года встали на рейде у крупного города Каликут (не путать с Калькуттой, расположенной на противоположной стороне полуострова Индостан). Правда, торговые дела у них шли не очень хорошо. Почти всю внешнюю торговлю в Каликуте контролировали арабы.

И все-таки европейцам удалось приобрести пряности, драгоценные камни, шелковые ткани. Не имея возможности выплатить таможенные сборы, Васко да Гама захватил знатных заложников (тоже – обычный пиратский прием) и часть из них обменял на захваченных в порту португальских матросов и свой груз, задержанный на таможне.

Обратный путь до Лиссабона был пройден без особых происшествий. Летом 1499 года экспедиция завершилась. Вернулось всего два судна и меньше половины моряков. Доставленные товары вполне окупили расходы на предприятие

и даже принесли некоторый доход.

В королевском дворце ликовали: наконец-то открыт восточный морской путь в Индию, сулящий расцвет торговли и обогащение страны, ее правителей. Васко да Гама принимал почести и поздравления.

Западный путь на восток (испанцы в Новом Свете)

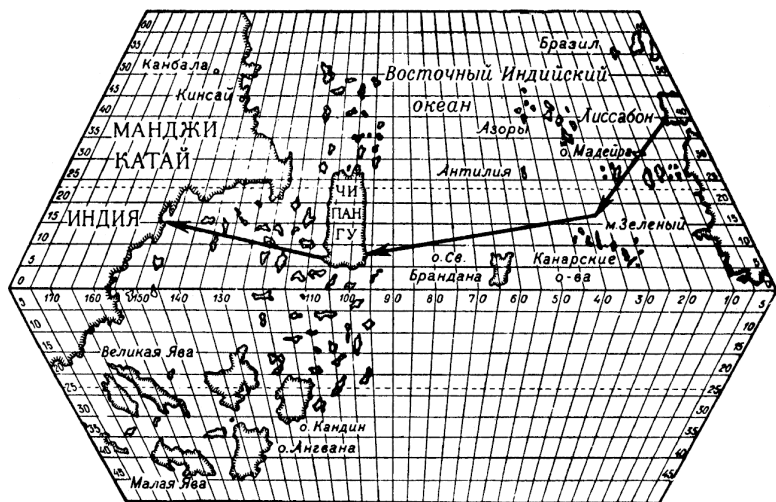
В конце средневековья мечта о сказочной Индии завораживала и вдохновляла европейцев. Вряд ли все объяснялось только алчностью купцов и государственных деятелей. Индия превратилась в манящий символ. Значительные изменения назревали и в духовной жизни. Кризис папства привел к религиозным войнам и расколу церкви, способствовал расширению свободы мысли. Университеты и книгопечатание распространяли знания в невиданных прежде масштабах. Епископ Николай Кузанский писал трактаты о множестве обитаемых миров, отвергал идею земного центра Мироздания и доказывал, что мир бесконечен в пространстве и времени; центр его везде, окружность – нигде.

Просвещенные европейцы были вполне готовы к великим географическим открытиям. Это позволяли знания и техника, об этом мечтали искатели приключений и авантюристы, этому способствовало состояние экономики и торговли.

Глядя на лучшую карту того времени – Большую Венецианскую – отчетливо видишь восточный путь в Индию и вряд ли задумаешься о западном. Однако были ученые, попытавшиеся показать облик Земли на глобусе – изобретении античных времен, возрожденном в конце средневековья. К ним следует отнести прежде всего флорентийца Паоло Тос-

канелли, географа, а также астронома из Нюрнберга, путешественника Мартина Бехайма, участника морской экспедиции вдоль западного берега Африки под командованием португальца Диогу Кана. С помощью глобусов они первыми осуществили – мысленно, конечно, – западный вариант достижения легендарного Востока. Оставалось только реализовать идею. А прежде – поверить в нее.

Первая подробная биография Колумба была написана его сыном. Родился он в семье генуэзского мелкого ремесленника-ткача, был приписан к цеху шерстяников и в детстве, по-видимому, учился в цеховой школе.

Карта Тосканелли, на которую нанесены восточные бе-

рега Азии и острова Японии. Стрелками показан путь, по которому собирался следовать Колумб

Колумб, в сущности, возродил давнюю античную идею о шаровидности Земли, об обитаемых землях в Атлантике и возможности, плывя на запад, попасть на восток. В сознании Колумба причудливо сочетались представления о Земле Птолемея и Косьмы Индикоплова. Она ему представлялась в форме не яблока, а груши, с выступом, ведущим в рай. Опираясь на подлинные научные данные, Колумб нашел то место, откуда начинается «райский выступ». Оно оказалось в устье открытой им реки Ориноко. Проводя точные замеры, он обнаружил, что уровень поверхности воды здесь выше, чем рядом в море, и сделал теоретический вывод. Объясняется факт иначе: пресная вода реки заметно легче морской и не сразу смешивается с ней, вторгаясь в море. Образуется своеобразная пресная река с выпуклой поверхностью в соленых берегах.

Колумб поселился в Португалии в 1476 году и через три года женился на Филиппе Муньиш. Она была дочерью известного мореплавателя. Некоторое время молодые люди жили на острове близ Мадейры. Колумбу доводилось совершать плавания. Тогда-то он и мог услышать об Индии, расположенной за Атлантическим океаном, и у него возникла отчаянная мысль: опробовать этот путь! Однако вскоре он вынужден был за какую-то провинность покинуть Португа-

лию. Есть предположение, что он похитил копию письма и карты Тосканелли (или без разрешения скопировал эти засекреченные материалы). Во всяком случае, у него было какое-то письмо Тосканелли (Колумб утверждал, что посланное лично ему), где был указан путь через Атлантику. Идея Тосканелли и его доказательства ошеломили Колумба. Тогда-то он и начал без страха и сомнений бороться за реализацию плана экспедиции через Атлантику.

Переехав в Испанию, он вновь не нашел признания при дворе и в отчаянии хотел уже отправиться в другую страну. Помог знакомый священник, вхожий в королевский дворец. Король и королева приняли напористого прожектера, который потребовал не только кораблей, денег и команду, но еще немалую долю при дележе будущих богатств, звание адмирала (для себя и своих детей) и вице-короля всех открытых им (в будущем) земель. Король прогнал нахала. Однако королева смогла уговорить супруга заключить столь странный договор. Она поверила в счастливую звезду Колумба. И не ошиблась. К тому же смелый проект согласились финансировать богатые купцы.

Объективно говоря, проект Колумба был неверен: сплошное нагромождение ошибок. К неточной гипотезе Тосканелли мореплаватель добавил собственную ошибку в расчетах. Получилось, что Япония находится всего примерно в пяти тысячах километров от Азорских и Канарских островов.

Третьего августа 1492 года три корабля флотилии адмира-

ла Колумба отправились на Канарские острова. Отсюда вышли в открытый океан курсом на запад. После тридцати трех дней плавания впереди показалась земля. На первом же острове они встретили «дикарей» в полной уверенности, что это жители Индии. Затем последовали новые острова...

Испанские мореплаватели соприкоснулись с новым миром. Закончился долгий период изоляции огромного материка. Впервые человек ощутил себя кругосветным путешественником, достигшим восточных отдаленных земель западным путем. Благодаря экспедиции Колумба европейцы узнали картофель, кукурузу, табак – вскоре распространившиеся на огромных территориях Старого Света вопреки естественному, сложившемуся за миллионы лет природному раскладу.

Но человеку не дано избавиться от влияния не только природной, но и социальной среды. Вот и Колумбу суждено было явиться для Нового Света не пророком новой возвышенной веры, а предвестником кровавой конкисты и колониального разбоя. При его участии началось разрушение самобытной культуры и уничтожение населения Нового Света. Сказалось и то обстоятельство, что рискованные приключения на новых землях привлекали прежде всего авантюристов, проходимцев и всякий сброд.

Конец средневековья отмечен серьезным кризисом христианской церкви. Она превратилась в мощную, жестокую организацию, руководители которой были обуяны жадой

власти и материальных благ. Формально признавая заветы Христа (даже на зло отвечать добром!), церковники фактически действовали вопреки им. Справедливо возмущаясь подобными деяниями, современник Колумба, епископ Бартоломео Лас Касас, писал о конкистадорах: «Они шли с крестом в руке и с ненасытной жадой золота в сердце».

С горечью записывал Колумб в дневнике: «Индейцы были так простодушны, а испанцы так жадны и ненасытны, что не удовлетворялись, когда индейцы за... осколок стекла, черепок разбитой чашки или иные ничтожные вещи давали им все, что только они желали. Но даже и не давая ничего, испанцы стремились взять и захватить все».

Мнимое царство великого хана (англичане и португальцы в Северной Америке)

Судя по карте мира, составленной фламандцем П. Рейсом (1508), просвещенные европейцы были уверены, что Колумб открыл в Южном полушарии обширную Землю Святого Креста, а за островами Карибского моря находится Китай (Гренландию считали северо-восточной окраиной Азии).

Материк, который позже стали называть Северной Америкой, был открыт в 1497 году. Этому достижению предшествовал ряд случайных обстоятельств. Генуэзский купец и моряк Джованни Кабота переселился в молодости в Венецию, где женился и стал отцом трех сыновей. По какой-то причине он решил переместиться в город Бристоль в Западной Англии – крупный порт и центр английского рыболовства в Северной Атлантике. После первых сообщений об открытиях Колумба бристольские купцы решили организовать экспедицию в Китай или Индию. Наиболее убедительно обосновал плавание опытный мореход Джованни Кабота, которого теперь называли на английский манер Джоном Каботом. Кабот и его три сына получили патент от Генриха VII на плавание «ко всем местам, областям и берегам Восточного, Западного и Северного морей» (из дипломатических сооб-

ражений не упоминалось южное направление). Им предписывалось «искать, открывать и исследовать всякие острова, земли, государства и области язычников и неверных, остающихся до сего времени неизвестными христианскому миру».

Интересно, что Кабот настойчиво утверждал, будто взял курс на северо-запад. Это, очевидно, сознательная ошибка (такой маршрут привел бы его напрямик к берегам Гренландии). Он шел на запад, с небольшим отклонением к югу. Кабот, подобно Колумбу, существенно преуменьшал размеры земного шара, как все ученые того времени не догадывался о существовании Тихого океана. О том, как пристально следили представители разных государств за подобными предприятиями, можно судить по письму венецианского купца Лоренцо на родину 23 августа 1497 года: «Наш венецианец, который отплыл из Бристоля на маленьком судне, чтобы отыскать новые острова, уже вернулся и сообщает, что открыл на расстоянии 700 итальянских миль отсюда страну Великого хана... Он был в дороге три месяца... Король обещал венецианцу предоставить для следующего плавания 10 кораблей... Он находился со своей супругой, венецианкой, и сыновьями в Бристоле. Его имя Дзуале Талбот [Джон Кабот]. Его называют Великим адмиралом и ему оказывают высокие почести; он разнаряжен в шелка, а англичане гонятся за ним как сумасшедшие».

В апреле следующего года Джон Кабот возглавил более крупную экспедицию в «Китай». В пути он умер; руковод-

ство перешло к его сыну Себастьяну. Они достигли Нового Света и направились вдоль берега на юго-запад в надежде встретить богатые города. Но, высаживаясь на берег, они видели только людей, одетых в звериные шкуры. Не имея в достатке припасов и, возможно, встречая отпор со стороны туземцев, участники экспедиции вернулись на родину.

Это предприятие не окупило затраченных на него средств. Добытые сведения не внушали надежд на то, что проторенным Каботами путем можно достичь цивилизованных государств Нового Света, с которыми можно было бы совершать выгодный торговый обмен. Англичане на несколько десятилетий потеряли интерес к открытым землям, не сулившим никакой выгоды. Правда, португальцы рассудили иначе. Король Мануэл согласился отправить к открытым англичанами землям экспедицию под руководством Гашпара Кортириала. Ему предоставлялись права на «все острова или материк, которые он найдет или откроет». В мае 1500 года Кортириал направился из Лиссабона на северо-запад, пересек Атлантический океан и, судя по всему, побывал на Лабрадоре, ознакомившись с его природными условиями. Название Терра-ду-Лаврадор («Земля Пахаря»), которое он дал этой местности, – свидетельство того, что он надеялся организовать здесь плантации, используя «полудиких» туземцев в качестве рабов.

Себастьян Кабот

На следующий год Гашпар Кортириал, возглавляя три каравеллы, вновь отправился к берегам Нового Света. Экспедиция обследовала территории, расположенные южнее ранее открытых земель. Португальцы обнаружили многоводные реки, из чего справедливо заключили, что перед ними

не остров, а материк. Через десять дней после возвращения первого судна экспедиции венецианский посол в Лиссабоне Паскуалиго отправил на родину подробный отчет о результатах плавания. По его словам, доставленные в Португалию туземцы «очень боязливы и кротки... В их стране нет железа, но они делают ножи и наконечники для стрел из камней. У них много лососей, сельдей, трески и другой рыбы. У них много лесу – буков и особенно хороших сосен для мачт и рей... Из всего этого следует, что король надеется получить много пользы от страны, от корабельного леса, в котором он нуждается, и от людей, которые будут неутомимыми работниками и превосходными рабами».

Корабль с начальником экспедиции на родину не вернулся. На его поиски отправился Мигел Кортириал, брат Гашпара, имея два или три судна. Они достигли Нового Света, но обследование берегов было безрезультатным. По страшной иронии судьбы корабль Мигела пропал без вести...

На карты была нанесена открытая португальцами страна, которую по справедливости назвали Землей Кортириалов. Однако и она, можно сказать, пропала без вести. Так и не удалось точно определить, где она находится: на Лабрадоре, Ньюфаундленде или в Новой Шотландии.

Португальские рыбаки после плаваний Кортириалов стали регулярно посещать обильные рыбой мели Ньюфаундленда; на острове Кейп-Бретон была основана небольшая португальская колония. Как показывает нынешнее название ост-

рова, их вскоре вытеснили выходцы из Бретонии.

Открытие Америки (Колумб и Америго)

Кто и когда открыл Новый Свет? Вопрос остается спорным. Ибо прежде следует решить: что считать открытием? Первое доказанное посещение европейцами нового материка? Это произошло за полтысячелетия до Колумба (вспомним норманнов). Первое поселение европейцев в Новом Свете возникло тогда же. Правда, викинги не оценили по достоинству свое открытие... Но и Колумб – тоже! Учтем: в первых двух экспедициях Колумб обследовал только прилегающие к Америке острова. Лишь летом 1498 года он ступил на землю Южной Америки.

Однако следует отдать должное подвигу Колумба и его вкладу в познание Земли. Он не только умозрительно, в своем воображении, но и реально, благодаря путешествиям, убедился в шаровидности, замкнутости земного пространства.

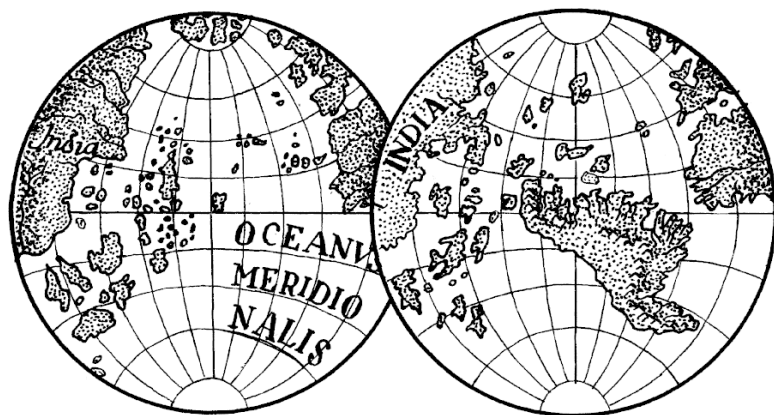
Знаменательный факт: практически одновременно со вступлением Колумба на землю Южной Америки, а Кабота – Северной, португальская флотилия под командованием Васко да Гамы впервые достигла морским путем Индии. Десятилетия спустя испанский конкистадор Васко Бальбоа с военным отрядом, преодолев горные склоны и дремучие заросли, пересек Панамский перешеек и первым из европей-

цев побывал на берегу неведомого «Южного моря».

Всемирный океан как-то сразу, почти в одночасье покорился людям. Почему так произошло? Прежде всего вследствие появления навигационных приборов, позволяющих ориентироваться в открытом море, а также географических карт земель и океанов. Пусть приборы и карты были несовершенны, но они позволяли ориентироваться в пространстве, намечать конкретные цели и прокладывать пути к ним.

...Америго Веспуччи был достаточно опытным кормчим и картографом, знал навигацию; последние годы жизни состоял в должности главного пилота Кастилии (проверял знания корабельных кормчих, контролировал составление карт, составлял секретные доклады правительству о новых географических открытиях). Он был участником одной из первых экспедиций, достигших «Южного материка» (так поначалу называли Южную Америку) и, возможно, первым осознал сущность достижения. Иначе говоря, он совершил научное теоретическое открытие, тогда как Колумб практически обнаружил новые земли. В Европе шли нарасхват сообщения о новых землях и народах. Люди понимали все величие свершаемых деяний, их огромное значение для будущего. В типографиях оперативно печатались сообщения о путешествиях на запад. Одно из них появилось в 1503 году в Италии и Франции: небольшая брошюра, озаглавленная «Новый Свет». В предисловии сказано, что она переведена с итальянского на латинский язык, «дабы все образованные

люди знали, сколько замечательных открытий совершено в эти дни, сколько неизвестных миров обнаружено и чем они богаты».

Глобусы Бехайма (1492) и Ленокса (1510–1512). Как видно, даже после открытий Колумба и Америго европейцы не догадывались о существовании Тихого океана

Книжка пользовалась большим успехом у читателей. Написана она живо, интересно, правдиво. В ней сообщается (в форме письма Веспуччи) о плавании летом 1501 года по поручению португальского короля через бурную Атлантику к берегам Неведомой земли. Она названа не Азией, а Новым Светом. Немногим позже было опубликовано еще одно сообщение о плаваниях Америго Веспуччи. И наконец появился

сборник, включающий рассказы разных авторов о плаваниях Колумба, Васко да Гамы и некоторых других путешественников. Составитель сборника придумал броское название, интригующее читателей: «Новый Свет и новые страны, открытые Альберико Веспуччи из Флоренции». Читатели книги могли решить, что и Новый Свет и новые страны открыты именно Америго (Альберико), хотя из текста это вовсе не следует. Однако заглавие обычно лучше запоминается и производит большее впечатление, чем какие-либо абзацы или главы книги. К тому же описания, принадлежащие перу Америго, были выполнены живо и убедительно, что, несомненно, укрепляло его авторитет как первооткрывателя.

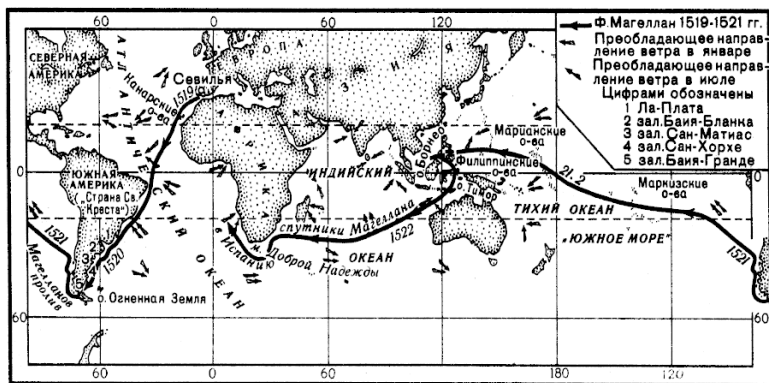
Чуть позже в Германии был опубликован «Новый Свет» Веспуччи под названием «Об Антарктическом поясе». А затем эта же работа, уже под видом письма владыке одного маленького немецкого королевства, появилась как дополнение к знаменитой и ставшей классической «Космографии» Птолемея. Назвали весь труд так: «Введение в космографию с необходимыми для оной основами геометрии и астрономии. К сему четыре плавания Америго Веспуччи и, кроме того, описание (карта) Вселенной как на плоскости, так и на глобусе тех частей света, о которых не знал Птолемей и которые открыты в новейшее время». Об открытии Нового Света сказано так: «Америго Веспуччи, поистине говоря, шире оповестил об этом человечество». Авторы дополнения были уверены, будто Америго еще в 1497 году первым ступил на но-

вый континент. Поэтому предложили назвать открытую землю «по имени мудрого мужа, открывшего ее». На карту мира были нанесены достаточно фантастичные контуры Нового Света с надписью: «Америка». Сам Веспуччи никогда не предлагал назвать открытые земли своим именем. Он вполне определенно писал: «Страны эти следует называть Новым Светом» и ссылаясь на факты, добытые в путешествиях, исследованиях.

Хорошо сказал о Веспуччи австрийский писатель Стефан Цвейг: «Америке не следует стыдиться своего имени. Это имя человека честного и смелого, который уже в пятидесятилетнем возрасте трижды пускался в плавание на маленьком суденышке через неведомый океан, как один из тех "бездвестных матросов", сотни которых в ту пору рисковали своей жизнью в опасных приключениях... Это смертное имя перенесено в бессмертие не по воле одного человека – то была воля судьбы, которая всегда права, даже если кажется, что она поступает несправедливо...»

Вокруг земного шара (Магеллан, Элькано)

Этот человек мог бы стать героем древнегреческой трагедии. Судьба противодействовала ему сурово и постоянно. Только однажды она оказалась благосклонной: он смог отправиться в тяжелейшее путешествие, стоившее ему жизни. Он был среди полуторы тысячи португальцев, которые отправились весной 1505 года на завоевание мусульманских восточных земель под командованием адмирала д'Аламейды, вице-короля Индии. Молодой дворянин Фернан Магельяниш (известный как Магеллан) испытал все лишения рядового участника трудного путешествия и последующих стычек с мусульманами.

Кругосветное плавание Магеллана

Маленькая страна западной окраины Европы – Португалия – выходила на первое место в мире по открытым и захваченным землям, а также богатствам. После плавания Васко да Гамы она контролировала главные торговые пути Европы с Африкой и Азией. Это обеспокоило всерьез не только мусульманские страны, Индию и Египет, но даже Италию.

Было подготовлено тайное нападение на флотилию д'Аламейды. Успех операции был бы обеспечен, если бы не одна малость: сочувствие христианам-португальцам их единоверца, искателя приключений и отчаянного путешественника итальянца Лодовико Вартема (он побывал не только в Индии, на Суматре и Борнео, но даже, прикинувшись мусульманским паломником, в запретной для иноверцев под страхом смерти Мекке). Случайно узнав о готовившемся нападении, он предупредил португальцев. И когда два десятка судов из Каликута с вооруженным десантом окружили стоявшие в гавани одиннадцать португальских кораблей, нападавших встретили залпами орудий, мушкетов, арбалетов. Поражение мусульманского воинства было полным. Португалия стала владычицей «золотых» торговых путей Востока.

Для Магеллана и для десятков других рядовых португальцев единственной наградой за эту победу стала рана, полученная в сражении. Его отправили в Северную Африку. Вернувшись на родину, он решил вновь искать счастья в дале-

ких индийских землях.

Португалии оставалось только добраться до легендарных «островов пряностей», чтобы захватить последний центр восточной торговли. Вместе с разведочной экспедицией безвестный матрос Магеллан добирается до Малаккской гавани (ныне Сингапур). В этом опасном предприятии он проявил мужество в решающий момент, когда на корабли неожиданно напали сотни малайцев и половина португальцев была перебита. Магеллан повел за собой оставшихся, и малайцы бежали.

Альбукерки, новый вице-король Индии, завоевал Малакку, захватив огромные богатства. Португальские мореходы добрались даже до берегов Австралии. Не жажда познания, но страсть к богатству обуревала португальцев. Свои географические открытия они держали в тайне, а знания использовали для новых завоеваний.

На родину Магеллан вернулся без почестей и капиталов. За семь лет его отсутствия приморские города Португалии неузнаваемо преобразились. Сказочно разбогатели многие торговые заведения; поднялись, как по волшебству, высокие дома, крепости, храмы. Гавани были празднично разукрашены флагами разных стран.

Географические открытия сблизили, соединили транспортными путями отдаленные страны. И одновременно все резче пролегла грань между жителями внутри одного и того же государства: купцы, спекулянты, дворцовые прихвостни

получили небывалые возможности для обогащения. Они делили между собой награбленные, завоеванные – не ими! – богатства. Те, кто сражался, терпели лишения и погибали в далеких краях, оставались в числе обманутых, а их семьи редко выбивались из тисков бедности.

Магеллан оказался чужим у себя на родине. Он завербовался в экспедиционный корпус, отправлявшийся в Марокко, султан которого отказался платить дань португальскому королю. Имея дворянское звание и собственного боевого коня, Магеллан находился в привилегированном положении и мог рассчитывать на офицерскую должность. Однако он не умел угождать начальству, и это серьезно мешало военной карьере.

При осаде крепости Азамор он лишился своего основного капитала – коня. В следующем бою его ранили в ногу. Была повреждена кость. Хотя рана зажила, Магеллан остался хромым. Без чинов и без наград пришлось ему и на этот раз возвратиться на родину. Но тяжелые испытания и обидные неудачи не сломили его волю. Он вновь и вновь пытался преодолеть злой рок. С немалым трудом добившись аудиенции, он пришел в королевский дворец с проектом морской экспедиции к «островам пряностей» западным путем, огибая Землю Святого Креста («остров Бразил», то есть Южную Америку). Король выслушал его доклад, взглянул на карту и без долгих раздумий отказал. Зачем рисковать и тратить средства на сомнительное предприятие, когда страна процветает

и держит в своих руках единственный водный маршрут из Европы в Индию? Магеллан покинул Португалию в октябре 1517 года, поселился в Севилье, где была колония португальских эмигрантов, и принял кастильское подданство. Он женился на Беатриж, дочери Диогу Барбоза, бывшего португальского военного моряка, ставшего комендантом севильской крепости Алькасар (сын его Дуарти, брат Беатриж, стал позже участником первого кругосветного плавания). Магеллан привлек к разработке своего проекта опытного навигатора и космографа Руя Фалейру, а Дуарти Барбоза постарался заинтересовать в этом предприятии богатых купцов и влиятельных вельмож.

В конце концов молодой король Карлос (избранный в 1519 году императором Священной Римской империи под именем Карл V), утвердил проект, подписав договор с Магелланом и Фалейрой. Казалось бы, счастье наконец-то улыбнулось Магеллану. Не тут-то было! Португальское правительство, узнав о том, что может быть открыт для Испании западный путь в Индию, сделало все возможное, чтобы погубить в зародыше это предприятие. Португальский посол при испанском дворе распускал слухи о безнадежности такой экспедиции; она непременно сгинет без следа в безбрежном океане. Он соблазнял Магеллана выгодными должностями в Португалии. Подослал к нему наемных убийц (покушение сорвалось). Подкупил чиновников Индийской торговой палаты, чтобы они протестовали против экспедиции и

ее руководителя.

Когда все эти козни не увенчались успехом, коварный посол сделал все возможное, чтобы затянуть подготовку экспедиции и снабдить ее испорченными продуктами, гнилыми товарами, плохим оборудованием. Было даже организовано массовое волнение в порту: тайные агенты посла возбудили толпу криками, что на флагманском судне «Тринидад» поднят португальский флаг (хотя это был адмиральский стяг Магеллана). Все происки врагов оказались напрасными. 10 августа 1519 года пять кораблей эскадры Магеллана вышли из Севильи и двинулись вниз по Гвадалквивиру...

В самый последний момент Магеллан принял сверхштатного члена экспедиции, молодого образованного итальянца Антонио Пигафетту. Именно он оказался среди тех немногих, кто вернулся, завершив кругосветное путешествие; более того, он вел дневник, который стал наиболее полным отчетом о плавании.

Итак, флотилия Магеллана отправилась в путь. Штатный состав команды насчитывал 230 человек, сверхштатных было 26. Однако уже вскоре начались острые разногласия адмирала с капитаном самого крупного судна «Сан-Антонио» Хуаном Картахеной, потребовавшим согласовывать с ним маршрут. Магеллан отказался (единовластие в трудных экспедициях – один из залогов успеха) и арестовал смутьяна.

У юго-восточного берега Южной Америки испанские офицеры подняли бунт. Они требовали перемены курса, что-

бы идти привычным путем – на мыс Доброй Надежды и дальше в Индию. У бунтовщиков было три корабля против двух, оставшихся у Магеллана. Дело, которому он посвятил несколько лет своей жизни (и обессмертившее его имя), оказалось под угрозой. Но и на этот раз Магеллан не сдался. Он послал на мятежное судно «Викторию» верного ему полицейского офицера с несколькими матросами для переговоров. Когда капитан судна отказался подчиниться адмиралу, офицер вонзил ему в горло кинжал, шурин Магеллана Дуарти Барбоза принял на себя командование «Викторией». Оставшиеся два мятежных корабля вскоре вынуждены были сдаться. Одному из капитанов-бунтарей Магеллан приказал отрубить голову, а Картахену вместе с заговорщиком-священником высадил на пустынном берегу.

В июне (зимний период в Южном полушарии) после того, как одно судно, проводя разведку, разбилось на рифах, была организована зимовка. Местных индейцев, которые коренному Магеллану показались великанами, прозвали «патагонами» (в переводе с испанского – большеногими), а страну – Патагонией. Весной, 18 октября, флотилия вновь двинулась на юг в поисках прохода из Атлантического океана в неведомое «Южное море».

В извилистом, узком и мрачном проливе, позже названном именем Магеллана, было потеряно еще одно судно. На нем взбунтовались офицеры, взяли обратный курс и вернулись в Португалию. Здесь они обвинили своего адмирала в

измене (его жена и ребенок, лишённые денежного пособия, умерли в бедности, но после возвращения «Виктории» покойный адмирал все-таки был реабилитирован).

Выйдя в открытое море, корабли Магеллана почти четыре месяца не встречали суши. Антонино Пигафетта писал. «Мы питались сухарями, но это уже были не сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями... Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывавшую готмачту... Мы вымачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали. Мы питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать».

Так был впервые пересечен величайший океан планеты. Флотилия достигла Филиппинских островов. 27 апреля 1521 года вмешавшийся в межплеменные распри между аборигенами Магеллан был убит.

Оригиналы дневников Пигафетты остались в Испании, были засекречены, и судьба их неизвестна. Малодушные бунтовщики – уцелевшие испанские офицеры – клеветали на погибшего, незаслуженно получая почести. «Государственные интересы» Испании (ведь Магеллан был португальцем!) оказались весомее, чем стремление к истине и справедливости. Подвиг великого мореплавателя долгие годы пытались замалчивать.

И все-таки правда пробивалась к людям. Пигафетта писал о Магеллане: «Я надеюсь, что слава столь благородного капитана уже никогда не угаснет. Среди множества добродетелей, его украшавших, особенно примечательно, что он и в величайших бедствиях был неизменно всех более стоек. Более терпеливо, чем кто-либо, переносил он и голод. Во всем мире не было никого, кто мог бы превзойти его в знании карт и мореходства. Истинность сказанного явствует из того, что он совершил дело, которое никто до него не дерзнул ни задумать, ни предпринять».

От века к веку подвиг Магеллана выглядел все более великим. Возможно, его экспедицию следует считать высшим достижением эпохи Великих географических открытий.

Пролив имени пирата (пролив Дрейка)

С каждым годом все больше становилось открытых территорий в Новом Свете. Дополнялись и уточнялись карты. Белые пятна оставались главным образом в центральной, северной и западной частях Северной Америки. Все еще было неясно, соединяется ли она с Азией.

Географические открытия нередко делались невольно, мимоходом. Так было осуществлено второе кругосветное путешествие. В отличие от предприятия Магеллана, оно прошло с небольшими потерями. На этот раз капитан оказался не только мужественным и умелым, но еще очень удачливым (тоже – прямая противоположность Магеллану). Ему суждено было из морского разбойника превратиться в адмирала Британского флота. Речь идет о Френсисе Дрейке.

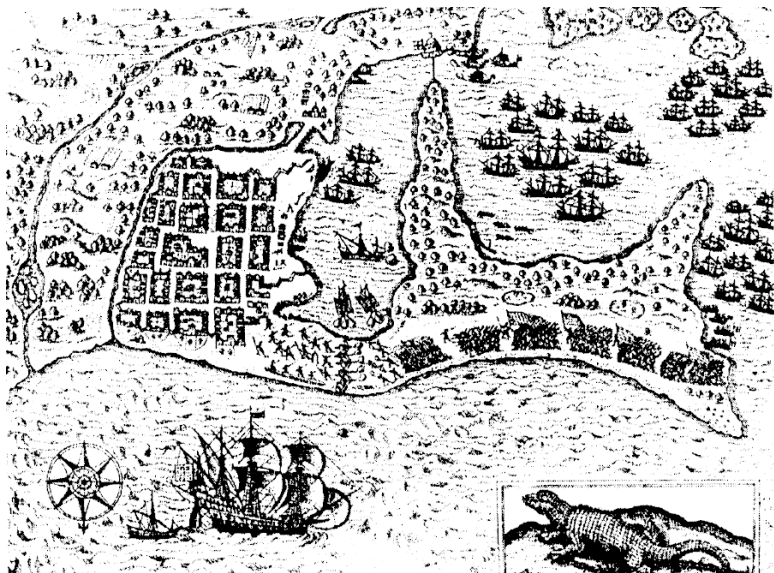
После первых не слишком удачных пиратских акций, он в 1572 году на двух кораблях пересек Атлантический океан и в Центральной Америке напал на испанское поселение. Захватив ценности, английские пираты стали грузить их на корабли. Однако налетел шквал, а ливень намочил порох. Огнестрельное оружие вышло из строя, противостоять в рукопашной схватке превосходящим силам горожан пираты не могли. Дрейк, раненный в ногу, дал приказ к отступлению.

Дрейк решил по суше перейти на Тихоокеанское побере-

жье, где испанцы не могли ожидать нападения. Навстречу им попался караван с захваченными конкистадорами драгоценными металлами и камнями. Отряд Дрейка разграбил караван, вернулся к Атлантическому океану, захватил два испанских корабля и благополучно вернулся на родину с богатой добычей.

Приобретя влиятельных покровителей (сообщников), включая королеву Елизавету, Дрейк смог организовать в 1577 году пиратскую экспедицию на Тихоокеанское побережье Америки. Его флотилия состояла из четырех крупных и нескольких мелких судов. В апреле 1578 года они достигли устья реки Ла-Платы и прошли на юг. Магелланов пролив, имеющий причудливую конфигурацию, проходили две с половиной недели. Огнеземельцев охарактеризовали как людей диких, но умеющих изготавливать неплохую утварь, челноки.

В Южном полушарии два месяца трепала и терзала буря флагман Дрейка «Золотую Лань». В конце октября ветер стих. Выглянуло солнце. Выяснилось, что они отброшены далеко на юг. Здесь заканчивалась Огненная Земля. К югу от нее простиралось бескрайнее море. Дрейк убедился, что южное побережье Магелланова пролива принадлежит не гигантской Неведомой земле, а острову. Это было крупное – хотя и невольное – географическое открытие.

Нападение пирата Френсиса Дрейка на Картахену (Колумбия) в 1586 г. Рисунок 1599 г.

Широкий пролив между Южной Америкой и Антарктидой позже получил имя Дрейка. Впрочем, впервые этот пролив открыл за полвека до Дрейка при стихийных обстоятельствах испанский капитан Франсиско Осес. Но его сообщение тогда не было принято во внимание.

Итак, Дрейк вновь направился на север. Не встретив других своих кораблей, решил все-таки продолжить экспедицию. С чилийскими индейцами он сумел наладить хорошие отношения. В городе Вальпараисо Дрейк захватил испанское

судно с грузом вина и золота, а также с секретными картами Америки. В дальнейшем выяснилось, что испанцы неверно рисовали западный берег материка, и Дрейк исправил ошибку.

На Тихоокеанском побережье испанцы не ожидали нападений ни на суше, ни на море. Дрейк без особых усилий собрал богатый урожай драгоценных металлов и камней. Не отличаясь жестокостью, он не убивал ограбленных испанцев, а потому весть о его подвигах быстро распространилась по всему побережью.

«Золотая Лань» вполне оправдала свое имя. В ее недра стали перетекать сокровища из трюмов испанских галеонов, из сундуков жителей поселков, из выюков торговых караванов. Последним «подвигом» Дрейка стал захват так называемого золотого галеона – осуществление мечты всех пиратов. На этих судах испанцы доставляли драгоценности из Нового Света. В результате доходы от захваченных богатств в сотни раз превысили расходы на экспедицию.

Но как теперь достичь Британии? Дрейк предугадал действия испанцев, которые отправили военную эскадру к Магелланову проливу. «Золотая Лань» взяла курс на север. Дрейк был готов обогнуть Северную Америку, пройдя из Тихого океана в Атлантический. Он достиг 48° северной широты. Берег отклонялся не на восток, а на запад. Пришлось остановиться в удобной бухте (позже названной заливом Дрейка), привести в порядок корабль и обсудить даль-

нейший маршрут, наладились дружеские отношения с индейцами. Дрейк поставил на берегу памятный знак, торжественно объявил о присоединении территории к Англии, назвав ее из-за белых прибрежных скал Новым Альбионом (синоним Британии).

Оставался свободным один лишь путь – через Тихий океан. Плавание продолжалось три месяца. Наконец они достигли Марианских островов. Еще через полтора месяца – Молуккских. Местный правитель доброжелательно принял англичан. Однако команда «Золотой Лани» не отпускала Дрейка на берег, памятуя трагический финал Магеллана и дорожа своим капитаном.

От острова Ява, избегая встреч с испанскими и португальскими военными кораблями, Дрейк первым в мире взял курс прямо к мысу Доброй Надежды, пересекая Индийский океан. И вот в конце сентября 1558 г. «Золотая Лань» с грузом золота бросила якорь в Плимуте. Она стала вторым судном в мире, совершившим кругосветку и впервые – вместе со своим капитаном. Потери личного состава были невелики. Доходы пайщиков (включая королеву), вложивших в экспедицию свои капиталы, составили 4700 %!

Пират и первооткрыватель Дрейк, удостоенный почестей и наград, стал первым среди тех, кто содействовал низвержению испанского и португальского господства в Мировом океане. Пути, проложенные Колумбом и Магелланом, оказались, в конце концов, роковыми для этих двух стран.

«Покорение океанов» проходило главным образом в широкой полосе земного шара, тяготеющей к тропической зоне. Сказывалась нацеленность мореходов на выгодную торговлю, а еще более – на захват золота, серебра, драгоценных камней, пряностей, рабов. В результате сложилась странная ситуация: несмотря на замечательные географические достижения и кругосветные плавания, оставались неизвестными материки Австралия и Антарктида. Почти ничего не было известно о севере и северо-западе Америки, Центральной, Северной и Северо-Восточной Азии.

Загадочный остров Пасхи

Первым из европейцев увидел этот остров пират Эдуард Дэвис. Было это в 1687 году. Запись Дэвиса в корабельном журнале была лаконичной, а координаты острова очень неточны. Оправдание этому веское: за пиратом гнался военный корабль. Посещение острова отменялось: надо было поскорее скрываться от погони.

34 года спустя голландская экспедиция из трех кораблей под начальством Якоба Рогтевена отправилась на поиски легендарной Неведомой Южной земли. Предполагалось, что клочок суши, открытый Дэвисом, может оказаться частью этого материка. Плавание проходило трудно, экипаж страдал от цинги. Вот что писал участник похода немец Карл Фридрих Беренс: «Эту жалкую жизнь не описать пером. На кораблях воняло больными и мертвецами. Заболеть можно было уже от одного запаха. Больные жалобно стонали и кричали... Они настолько отошали и сморщились от цинги, что являли собой зримый облик смерти... Много было страдающих от психических расстройств. Здесь не помогли бы никакие лекарства, кроме свежей пищи... Мои зубы почти полностью оголились от десен, а сами десны распухли в палец толщиной. На руках и на теле появились желваки величиной больше лесного ореха».

Это описание показывает, какими трудами и мучениями

давались европейцам открытия в Тихом океане. Тем величественнее выглядят достижения тех «мореплавателей солнечного восхода», которые прошли в океанской пустыне тысячи километров многими столетиями раньше, заселяя необитаемые острова.

Наконец 6 апреля 1722 года, на Пасху, эскадра Роггевена наткнулась на одинокий гористый островок. Толпа туземцев высыпала на пустынный берег, разглядывая диковинные суда. «Дикари» были безоружны, но цивилизованные христиане-европейцы в ознаменование своего открытия и для острастки местных жителей дали по ним залп. А в память о воскрешении Христа назвали островом Пасхи.

В 1737 году была издана книга Беренса «Путешествие по южным странам и вокруг света в 1721–1722 гг.». Она пользовалась успехом у читателей во многом благодаря описанию таинственного острова Пасхи, на котором неизвестно кем и неведь когда воздвигнуто множество каменных истуканов. На некоторых из них красовались каменные шапки весом в тысячи килограммов. Вес каменных колоссов достигает 20 т.

С этих каменных истуканов началась слава острова. Было совершенно непонятно, как они могли появиться на затерянном в океане островке со скудной растительностью и «диким» населением. Великий мореплаватель Джеймс Кук, посетивший в 1774 году остров Пасхи, догадывался, как можно было поднять многотонных истуканов и увенчать их каменными шапками. Ведь вокруг много камней. Из них можно

устроить насыпь, на которую с помощью рычагов и веревок затащить монолит и затем, наклонив его, постепенно поставить торчком.

Участники экспедиции Лаперуза на о. Пасхи. Рисунок конца XVIII в.

В 1786 году остров ненадолго посетила экспедиция Ж. Лаперуза. Они посеяли семена, доставили на берег домашнюю птицу и коз. Но эти растения не прижились, а живность островитяне быстро съели. Лаперуз отметил, что каменные изваяния сделаны из вулканической породы, красивой и лег-

кой.

Судя по всему, европейцы, посещавшие остров Пасхи, частенько интересовались знаменитыми местными статуями лишь с корыстными целями: пытались обнаружить в них или под ними клады. Возможно, поэтому очень многие монументы Пасхи оказались поваленными и расколотыми. То же относится и к каменным постаментам, платформам – аху, остатки которых (более 300) разбросаны по берегу. Длина самого большого ныне разрушенного аху составляла 160 м, а на его центральной платформе длиной около 45 м располагалось 15 статуй.

Для чего сооружались первые аху (их возраст порядка 700–800 лет), до сих пор неясно. В последующем их нередко использовали как места погребений и увековечивания памяти вождей. Всего на острове обнаружено около 600 больших статуй, из которых четвертая часть осталась незаконченной. Изваяния высекались прямо в скале, а затем спускались по склонам вниз. По какой-то причине островитяне практически внезапно прекратили работу по сооружению, перевозке и установке статуй.

Чем внимательней исследовали путешественники и ученые остров, тем больше возникало загадок. Само по себе открытие его европейцами трудно назвать крупным географическим достижением. Но изучение его происхождения, заселения людьми, формирования и расцвета местной культуры, а затем ее сравнительно быстрый упадок – все это открывало

обширное поле для ученых и явилось в полном смысле слова открытием, до сих пор вызывающим интерес и горячие споры.

Наиболее страшные удары обрушились на паскуанцев после их знакомства с европейцами, причем уже в XIX веке. Так, американские охотники за тюленями на шхуне «Нанси» увезли в рабство около 25 мужчин и женщин с острова Пасхи, которые позже предпочли умереть, бросившись в море. Затем американские китобои с судна «Пиндос» захватили около трех десятков молодых островитянок, глумились над ними, а затем, заставив их плыть к берегу, всех расстреляли в воде. Через полвека, в конце 1862 года, на шесть перуанских кораблей погрузили почти всех мужчин с острова и увезли в рабство, направив на работу в рудники. Только 15 из них вернулись после злключения на родину, занеся сюда вирус оспы. От эпидемии погибла половина островитян.

Согласно археологическим данным, в далеком прошлом остров переживал счастливые времена. До прихода людей он был покрыт пышными лесами. Люди поселились здесь примерно полторы тысячи лет назад. Это были мужественные и умелые мореходы с островов Восточной Полинезии. За 500 лет островитяне обжили свою землю. Они строили лодки, на которых совершали дальние плавания и занимались рыбной ловлей. Примерно тогда появился у них батат – сладкий картофель, произрастающий в Южной Америке и широко распространенный в империи инков.

Тур Хейердал, сторонник гипотезы заселения Океании с востока, из Южной Америки, старался доказать, что именно эти переселенцы привезли с собой батат, а также устраивали аху на манер пирамид и высекали из скал истуканов. Против этой гипотезы имеется много веских свидетельств. Культура и языки жителей Океании имеют много общего между собой (полинезийские корни) и практически ничего – с культурой и языками жителей Южной Америки. Именно полинезийцы, а не инки, были великолепными мореходами и обладали надежными судами. Двигаясь от материка в сторону открытого океана, можно лишь через два-три месяца, да и то по случайности, наткнуться на остров. Напротив, путь от островов Восточной Океании на восток обязательно приведет к берегам Южной Америки. Полинезийским мореплавателям, судя по всему, удалось пройти этот путь, познакомиться с неведомой цивилизацией, обзавестись клубнями батата и вернуться на родину.

Наиболее убедительно обосновал возможность «открытия Америки» океанейцами (еще раньше, чем это сделали викинги и Колумб) французский ученый и отважный путешественник Эрик Бишоп. Начиная с 1934 года он много раз выходил в океан на самодельных плавательных средствах, сделанных по типу древних судов и плотов. Он ходил из Полинезии к берегам Южной Америки и в обратном направлении, не раз терпел кораблекрушения, но несокрушимо верил в свою идею: полинезийцы совершали плавания до со-

временного Перу и обратно. Только во второй половине XX века ему удалось доказать на собственном опыте, что подобные путешествия возможны. В 70 лет он предпринял очередное путешествие на своем плоту, благополучно достиг Перу, но на обратном пути скончался в открытом море.

На острове Пасхи мы сталкиваемся с весьма показательной и поучительной географо-экологической моделью глобальной цивилизации. Об этом на Московском всемирном геологическом конгрессе в 1982 году сделал интересный доклад «История острова Пасхи. Глобальные обобщения» американский ученый Ч. М. Лав. Все имеющиеся факты подтверждают идею заселения острова Пасхи переселенцами из Восточной Полинезии около 500 года н. э. «Быстрое широкое развитое строительство сложных аху с использованием глыб весом до нескольких тонн, — пишет Лав, — началось не ранее 1050 года н. э... Наличие древесных ресурсов позволяло сооружать дома на столбах, каноэ для рыбной ловли, а также рычаги и салазки, приведшие к расцвету мегалитической культовой архитектуры. Сооружение сложных аху, создание и установка огромных фигур, символизирующих предков, достигли пика примерно к 1440 году н. э. В течение последующих 200 лет большая часть древесной растительности острова была истреблена. Сохранность и плодородие почв понизились, количество каноэ сократилось, и основные ресурсы моря стали недоступными».

Истощение природных ресурсов изменило социальную

обстановку на острове. Начались войны, дело дошло до людоедства. Культура пришла в упадок. Численность островитян быстро сокращалась. Если прежде она доходила до 10 тысяч, то теперь не превысила двух. Возможно, именно тогда островитяне стали низвергать памятники предкам. Правда, продолжалось строительство новых аху, но нередко за счет разрушения старых и с использованием сравнительно небольших глыб, которые могли перемещать несколько человек без помощи рычагов и слег.

«Важность истории острова Пасхи, – сделал вывод Лав, – заключается в изучении динамического равновесия, достигнутого на нем, а также изменений, происходивших в замечательно энергичном и мобильном полинезийском обществе, когда оно столкнулось с непрерывным сокращением ресурсов и увеличивающейся скудностью окружающей среды».

По-видимому, гигантские аху и величественные каменные изваяния острова сооружались в честь героических предков, открывших и освоивших этот затерянный в океане клочок суши. Но уже само возвеличивание предков потребовало огромных усилий (в ту пору избыток населения не вредил, а позволял использовать свободную рабочую силу). Последние деревья были использованы на рычаги, слегы, полозья для перевозки каменных глыб. Оголенные, лишенные растительности склоны гор подверглись эрозии; дожди и ветры смывали и сдували остатки плодородных почв. Не из чего было строить лодки не только для дальних морских экспеди-

ций, но и для ловли рыбы. Недостаток природных ресурсов подорвал экономические основы общества и вызвал острые социальные конфликты...

Ситуация с лесами и почвами на современной Земле начинает все больше напоминать то, что происходило на острове Пасхи в период упадка культуры. Планета наша велика и обильна, но должного экологического порядка на ней нет. Не удастся ограничить неумную жадность все более обильных материальных благ тех немногих представителей человечества, которые и без того живут обеспеченно. Именно это, а вовсе не рост населения Земли вызывает экологический кризис.

История не только паскуанской, но и всех исчезнувших цивилизаций свидетельствует: у людей должны быть ограниченные материальные и безграничные духовные потребности. Только при этом условии человечеству удастся благополучно существовать на своем крохотном обитаемом космическом острове.

Из Азии – в Америку (русские мореходы)

Петр I в 1724 году распорядился узнать, «соединяется ли Азиатский материк с Америкой». Начальником экспедиции назначили опытного морехода, выходца из Дании Витуса Беринга, а его помощником – лейтенанта Алексея Ильича Чирикова. Путь на санях, телегах, лодках через всю восточно-европейскую и сибирскую Россию занял два года. Наиболее трудными были последние полтысячи километров: зимой впроголодь, без дорог, впрягались в тяжелые сани, на которых везли тяжелые грузы. После стоянки в Охотске переправились через Охотское море, построили бот «Святой Гавриил». На нем из устья реки Камчатки пошли вдоль берега полуострова на северо-восток, за Анадырским заливом открыли залив Креста и бухту Провидения. Перед входом в пролив (Берингов) открыли остров Святого Лаврентия.

Следуя дальше на север, участники экспедиции потеряли из виду и азиатский и американский берега. Плыли еще два дня на север, но не встретили земли. Чириков предложил направиться на запад, до устья Колымы, но его не поддержали. Решено было возвращаться. На обратном пути они открыли остров Святого Диомида.

Имелся специальный отряд научных работников, представленный Петербургской академией наук. Его так и называли: Академический отряд Великой Северной экспедиции.

В Охотске оборудовали два экспедиционных судна: «Святой Петр» и «Святой Павел». На восточном берегу Камчатки у Авачинской бухты гавань, где перезимовали эти корабли, называли их именами – Петропавловской. Позже там вырос город.

Летом 1741 года отправились в плавание: Чириков – на «Святом Павле», Беринг – на «Святом Петре». Корабли были достаточно крупные, водоизмещением 100 т, с командами по семьдесят пять человек. Поначалу решили проверить слухи о «Земле Жуана-да-Гамы»: прошли на юго-восток, но нигде не обнаружили даже острова. Затем пути кораблей разошлись. Беринг в середине июля достиг американской земли, увидев издали заснеженные горные вершины. Наиболее высокую из них называли горой Святого Ильи (так же, как весь хребет). Корабль шел вдоль берега. Молодой ученый Георг Стеллер предлагал провести исследования открытой земли. Но ему разрешили только небольшие экскурсии.

Они пошли на запад вдоль Алеутских островов, принимая их за берега Америки. Погода была ненастной, моряки мучились от холода, сырости, недостатка еды и питья; многие были больны. Встретив землю, решили, что это Камчатка. Трудно было отыскать гавань. Бросили якорь вблизи скал, но лопнул канат. На их счастье, сильная волна пронесла ко-

рабль над рифами и опустила близ берега.

Решили устроить зимовье: наступил ноябрь. Всего десять человек оставались здоровыми. Они перенесли на сушу провиант и больных. Выкопали землянки. Один за другим умирали тяжелобольные. 8 декабря пришел срок Витусу Берингу. Его ожидала громкая посмертная слава, пожалуй, не без преувеличений. В его честь были названы: море, пролив, остров, а также Командорские острова. В действительности первыми еще в 1648 году обогнули северо-восточную окраину Азии по морю и открыли здесь два острова Семен Дежнев и Федот Попов; они же первыми из европейцев вышли в море, омывающее Чукотку, Камчатку и Аляску. Беринг прошел проливом в 1728 году – именно этому повторному открытию суждено было стать известным ранее, чем в якутском архиве в 1736 году были разысканы донесения Дежнева академиком Г. Миллером.

Весной надо было бы покинуть остров, но корабль находился в плачевном состоянии: его разобрали. Ни одного плотника среди них не осталось – все умерли. Выручил казак Савва Стародубцев. Он сумел построить бот длиной 11 м. В начале августа спустили его на воду, 13 августа отошли от острова, тесно усевшись: их было сорок шесть человек. Через четыре дня увидели берега Камчатки. Из-за штиля пришлось идти на веслах. Прошло еще почти две недели, прежде чем они добрались до Петропавловска.

Плавание «Святого Павла» прошло тоже не без трагиче-

ских происшествий. 16 июля они увидели острова близ американского берега, на одном из них высадили для разведки на лодке одиннадцать вооруженных людей. Когда те не вернулись – еще четырех. Все пятнадцать пропали без вести. Не стало и лодок, без них нельзя было высаживаться на берег хотя бы за пресной водой. Чириков решил повернуть назад. На пути «Святого Павла» часто встречались сплошные туманы, неблагоприятные ветры или штили, так что переход до Петропавловска занял десять недель. Попутно открыли несколько островов.

В рапорте начальству Чириков дал первое в истории описание северо-западного берега Америки. Летом следующего года он снова отправился на восток, побывал около нескольких островов (в том числе и у того, где пропали люди команды Беринга), надеясь обнаружить товарищей, но ни с чем вернулся на Камчатку.

Надо заметить, что в истории географических открытий имя Чирикова осталось в тени командора Беринга (о чем свидетельствуют и географические названия). Дело в том, что сообщение Чирикова о его плавании оставалось в секретных архивах до конца XIX века (было опубликовано только в 1941 году). Выяснилось, что руководимый им пакетбот «Св. апостол Павел» достиг американского берега раньше, чем судно Беринга, и обследовал открытую землю дольше и основательней, чем Беринг.

Что касается Берингова пролива, то и тут ситуация до-

статочно сложна. По мнению известного русского географа Л. С. Берга, «первым, открывшим пролив между Азией и Америкой, был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противоположащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту». Действительно, в 1732 году на боте «Св. Гавриил» Иван Федоров совершил плавание не только вдоль северо-восточной оконечности Азии, но и лежащей напротив западной окраины Аляски; геодезист Михаил Гвоздев первым нанес на карту очертания пролива, разделяющего два континента.

А через несколько лет А. И. Чириков на основе всех русских открытий первым составил карту северной части Тихого океана; Северная Америка показана на ней не как неведомая земля или остров, а именно как материк.

Суперматерик Евразия

Древнейшие открытия

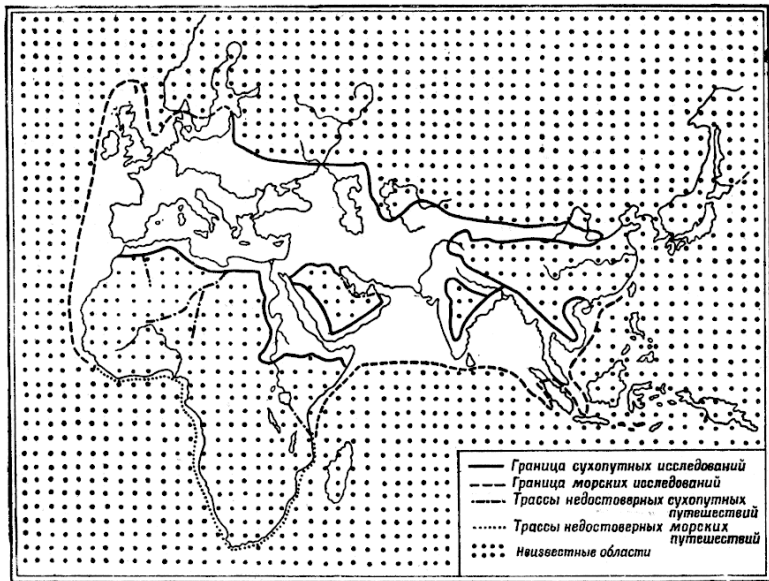
Не менее 45 веков назад на территории теперешних Северной Сирии и Ливана образовалось государство Эбла. Оно распространялось от северо-восточного берега Моря Заката (так называли они Средиземное море) на восток – до среднего течения Евфрата и на север – до Анатолийского плоскогорья и горного хребта Армянский Тавр.

В средиземноморском порту Библ строились большие, до 50 метров в длину, морские суда, на которых эблаиты плавали по Средиземному морю, контролируя около 700 км побережья Передней Азии. Они достигли островов Кипр и Крит, тяготеющих к европейскому материку. Постоянными были их торговые отношения с Египтом. Но около 2305 года до н. э. Эбла была покорена царем шумерского государства Аккад Сарганом, заставившим эблаитов платить дань, а в конце 23-го столетия до н. э. Эбла была разграблена до основания внуком Саргона Нарам-Суэном, именовавшим себя «царем четырех стран света».

Шумер – второй древнейший очаг цивилизации, зародившийся в междуречье Тигра и Евфрата, которые тогда не имели, как сейчас, общего устья, а отдельно впадали в Персид-

ский залив («Нижнее море» древних). Возраст цивилизации шумеров – более шести тысяч лет. Они изобрели (еще в XVIII веке до н. э.) первое слоговое письмо – клинопись, используя для нанесения текстов глиняные таблички. Правители шумерских городов-государств за три тысячи лет до н. э. посылали своих людей вверх по долине Евфрата, в лесные предгорья Тавра, на Анатолийское плоскогорье, где добывалось серебро.

Шумеры прошли на восток дальше эблаитов: им знаком был протянувшийся вдоль северо-восточного берега Персидского залива горный хребет Загрос, который они называли «Горный Ветер». За этим хребтом они встречались с кочевниками, от которых получали лошадей. На одной из шумерских глиняных табличек, относящихся к XXV веку до н. э., изображена своеобразная карта известного шумерам мира. Символически на ней показаны горы Ливана, хребет Загрос, среднее течение Евфрата. На этой карте нет страны Мелаха, с которой торговали шумеры в начале третьего тысячелетия, она находилась очень далеко – в долине реки Инд.

Мир, известный древним

С военного похода Саргона Аккадского началась эпоха познания мира не путем установления торговых связей, а через завоевания. Подчинив себе Эблу, шумерский завоеватель поднялся с войском в богатые кедровым лесом горы Тавра, переправился на остров Кипр, но потом вернулся в Малую Азию и прошелся с грабежами по течению Евфрата на расстояние 2400 км, разгромил полукочевые племена в предгорьях Загроса и завоевал страну Эламту. Империя Саргона простерлась от Средиземного моря на северо-западе до

Персидского залива на юго-востоке и от Анатолийского плато до горного хребта Загрос. Вся эта горная система, протянувшаяся на 1600 км, вошла во владение сыновей Саргона. Его внук Нарам-Суэн прорвался «огнем и мечом» в верховья Тигра и овладел всем течением реки, но после того, как он потерпел поражение и погиб в битве с кочевниками, победители – гутии – вторглись в Шумер и разрушили многие города страны, положив конец процветанию Аккадской империи. На ее месте начало формироваться ассирийское государство.

Но прежде крупным очагом цивилизации становится государство эламитов – Эламт (Земля Бога), шумеры называли его Ним, что значит «Высокая». Просуществовав около двух с половиной тысячелетий, эламиты, перевалив Загрос, включили в состав своего государства, причем ненасильственным путем, всю западную часть обширного Иранского нагорья, продвинулись на север до горной системы Эльбурс, огибающей южное побережье Каспийского моря. Через ущелье реки Сефидруд они могли выйти к самому озеру-морю, но свидетельств этому нет. Достоверно установлено (по следам их материальной культуры), что эламиты проникли в Большую Соляную пустыню (Деште-Кевир). Дальше они не пошли, а повернули на юг Иранского нагорья, где открыли хребет Кухруд длиной 900 км.

Еще одно мощное государство древности было создано на полуострове Малая Азия хеттами. Свои захватнические вой-

ны они начали в XVII веке до н. э. Хеттский властитель Лабарна покорил мелкие государства в центре полуострова, а потом добрался до Эгейского моря и до Черноморского побережья, где встретил упорное сопротивление военного союза касков – племен, по имени которых назван, возможно, Кавказ. Уже в XIV веке до н. э. один из хеттских царей победил касков и хетты стали первооткрывателями более трехсот километров юго-восточного побережья Черного моря – от 36° до 39° в. д.

Сразу же после победы над касками хеттское войско выступило против племен, населявших Армянское нагорье, – хайасов, которых считают предками армян. Покорив эти племена, хетты открыли всю центральную часть Армянского нагорья. Впрочем, одно из племен Армянского нагорья – хурриты – разгромили войска хеттов и создали свое царство. Укрепившись, они продвинулись на север, встретив на своем пути реку Куру и горы Малого Кавказа. Долина Аракса привела их к одиноко стоящей удивительной по красоте горе Масис (Арагат), высотой 5165 м. За ней – широкая Арагатская долина и высокогорное озеро Севан. Мирные открытия хурритов предшествовали выходу в XIII–VII веках на историческую арену в Передней Азии Ассирии.

Освободившись из-под власти ассирийцев, населявшие Иранское нагорье мидяне создали свое сильное государство. Царь Мидии Киаксар в VII веке до н. э. захватил почти все южное побережье Каспийского моря. Он прошел с войском

дальше, и впервые с запада мидянам удалось достичь Туранской низменности и песчаной пустыни Каракум. Весь горный хребет Копет-Даг длиной около 650 км стал известен мидянам, и Киаксар захватил оазисы в предгорьях, в которых жили племена арий («свободных»). Пройдя через пустыни, степи, горы, он вывел свое войско к побережью Оманского залива, завершив начатое двадцать веков назад эламицами открытие Иранского нагорья. К северу от него мидяне распространили свою власть на бассейн Мургаба и страну Маргуш, проникли в область нижнего и среднего течения Амударьи, в бассейн реки Зеравшан, открыли горы Гиссаро-Алая и пустыню Кызылкум.

На северо-западе мидийская империя Киаксара, разгромившего Ассирию, достигла Малого Кавказа, а возможно, и восточного края Большого Кавказа. В 550 году до н. э. гигантскую империю мидян завоевал царь вассальной Мидии страны Персиды, вошедший в историю как Кир II. Покорив все страны, завоеванные Мидией, Кир II дошел до предгорий Памира, название которого, возможно, дано персами («Паи-михр» – «Подножье Митры», т. е. Бога Солнца).

Двигаясь на север, Кир дошел до среднего течения Сырдарьи и места выхода ее из Ферганской долины. Вернувшись в Афганистан, персы спустились по реке Кабул к Инду, но не пошли в глубь Индии, предпочтя завоевания в Средней Азии, где Кир встретил сопротивление со стороны племени массагетов. Преследуя воинственное племя, он переправил

войско через Амударью, вода которой наполняла тогда русло Узбоя (теперь сухое), и здесь, в ущельях горного хребта Большой Балхан, нашел свою погибель. Разгромлено было и все его войско.

Персидские завоевания продолжил царь Дарий I, и начал он от открытого Киром Узбоя. Сарыкамышская котловина, опущенная на 38 метров ниже уровня моря, заполненная тогда водой, – первое открытие Дария.

А затем, следуя по течению Амударьи, персы впервые вышли к Аральскому морю. Они обнаружили огромную дельту Амударьи, образованную множеством рукавов, один из которых – Узбой – впадал в Каспийское море.

Дарий прошел в Ферганскую долину, у начала которой остановился Кир. Он продолжил продвижение своего предшественника на восток, в Индию. Произошло это в 517 году до н. э. По приказу Дария его военачальник грек Скилак Кариандский построил в нижнем течении реки Кабул несколько кораблей, которые спустились в Инд и проплыли вплоть до устья реки (не менее полутора тысяч километров). Скилак вывел суда в Аравийское море и, придерживаясь берега, добрался до западных пределов империи, до Суэцкого перешейка. За три года плавания по рекам и морю Скилак преодолел семь с половиной тысяч километров. Он открыл Индию с запада.

Завершил Дарий и начатое Киром завоевание Кавказа. Снаряженная Дарием морская экспедиция впервые сообщи-

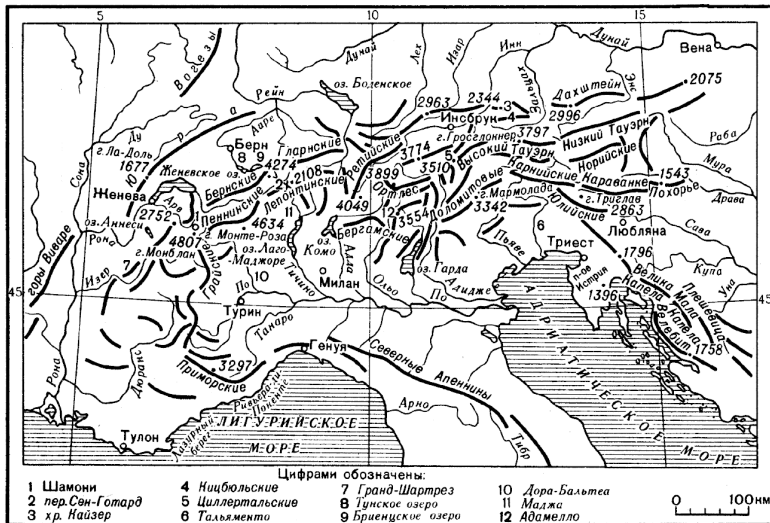
ла миру верные сведения о Каспийском море, она установила, что это замкнутый водоем.

Еще один великий поход совершил Дарий в начале VI века до н. э. Захватив на северо-западе Европы Фракию, он вторгся в 512 году до н. э. в пределы Скифии, владевшей бескрайней степной равниной к северу от Черного моря. И здесь непобедимый полководец потерпел неудачу. Зато было выяснено, что далеко на север от Черного моря простирается равнина, прорезанная многими реками, долины которых заросли густыми лесами.

Наследники Дария утратили интерес к познанию окружающих стран путем их захвата.

Альпы – первая преграда

Еще в 1-м тысячелетии до н. э. продвигавшиеся с севера кельтские племена буквально наткнулись на высокую белую стену, встававшую на горизонте. К ней вели глубокие ущелья, на подъем по которым кельты не решились: вершины, укутанные ослепительной белизны снегом, не таявшим под солнечными лучами, внушали им суеверный ужас. Они поселились в предгорьях. Почти два тысячелетия должно было миновать, прежде чем отважился человек взойти на гребень главной горной системы Западной Европы. Кельты же назвали возникшее перед ними препятствие просто Альпы, что значит на их языке «Высокая гора».

Расположение горных хребтов в Альпах

Не сохранилось слово, которым называли Альпы этруски, предшественники Рима на Апеннинском полуострове; происхождение этого народа и его языка до сих пор полностью не выяснено. Они приблизились к Альпам примерно в одно время с кельтами, предположительно, в VI веке до н. э. Описания Альп они не оставили. Первым это сделал греческий историк Полибий, написавший «Всемирную историю» в 40 книгах. Он пересек Альпы в 151 году до н. э. В одной из его книг приведены размеры Альпийской горной системы: с запада на восток – 2200 стадий, что составляет 417 километров. Это более чем вдвое занижает реальную широтную

протяженность Альп. Но все же его описание – первое, и он может быть признан первооткрывателем Альп.

За 217 лет до Рождества Христова (до н. э.) знаменитый полководец Карфагена Ганнибал во время 2-й Пунической войны с Римом совершенно неожиданно для своих врагов вторгся в Италию с севера. Для этого ему пришлось преодолеть две горные системы – Пиренеи и Альпы. Решившись на такой трудный переход через горы со всей своей армией, которую римляне боялись в те времена, он обеспечил себе победу.

Весь переход через Альпы занял 15 дней. Тысячи воинов, лошадей и слонов остались в снегах.

Это было открытие путей через Альпы. Ими воспользовался в 57 году до н. э. римский консул Гай Юлий Цезарь, легионы которого прошли и через перевал Сен-Бернар (2169 м) между Монбланом и Апеннинскими Альпами из долины Аосты в долину Роны, близ ее впадения в озеро Леман (Женевское). Цезарь открыл в Альпах истоки Рейна.

Только через две тысячи с лишним лет, уже в конце XVIII века, вершины Альп приняли первых исследователей. Горный проводник Жак Бальма в 1773 году достиг вершины Монблана вместе с врачом из Шамони Мишелем Паккаром. Они вернулись с Монблана на следующий день с распухшими, обгоревшими лицами, с пораженными снежной слепотой глазами. Едва оправившись, Жак Бальма отправился в Женеву, к молодому естествоиспытателю Орасу Бенедикту

Соссюру, с рассказом об удачном разведочном восхождении. На следующий год отправилась большая экспедиция, организованная Соссюром. Шестнадцать проводников и носильщиков возглавил первовосходитель Монблана Жак Бальма – ведь Соссюр собирался провести на вершине научные исследования, для которых требовались приборы и оборудование. В определенные сроки измерялись температура воздуха и его влажность по изобретенному им прибору, который и сейчас известен метеорологам как гигрометр Соссюра. Такие же наблюдения сын Соссюра проводил внизу, в Шамони. Впервые были получены данные о вертикальном градиенте температуры. Но главное – измерена высота Монблана – 4807 м.

Через сто лет после Соссюра на вершину Монблана поднялся английский физик Джон Тиндаль, издавший в 1896 году книгу «Ледники Альп». С изучения альпийских ледников началась глобальная гляциология, исследования тысяч ледниковых потоков, спускающихся по склонам высоких горных хребтов, а в полярных районах – спускающихся до уровня моря.

Один из ведущих натуралистов Европы Луи Агассис, занимавшийся до этого исследованием ископаемых, облазил многие ледники в Альпах, нашел бесспорное доказательство их бывшего величия, и в докладе на научном собрании, организованном им в сердце Швейцарских Альп, в городе Невшатель, впервые назвал определенный период в истории

Земли ледниковым.

Три полуострова Южной Европы (Пиренейский, Апеннинский, Балканский)

Европу открывали с юга жители Северной Африки и Передней Азии. Впрочем, самые первые открытия на юге континента, видимо, сделаны островитянами с острова Крит, где еще три тысячи лет назад утвердилось крито-микенская цивилизация. Первые торговые морские пути проложены с острова Крит на берега Средиземного моря, в том числе и европейские. Критяне первыми высадились на берег полуострова Пелопоннес, где жили тогда племена ахейцев. Это еще не эллины и тем более не греки. Цивилизованные критяне считали их варварами.

...О происхождении такого народа, как этруски, создавшего первый (доримский) центр цивилизации на Апеннинском полуострове, до сих пор ничего достоверно не известно. Геродот считал, что это часть народа малоазиатского государства Лидии, бежавшая от голода. Другие считали, что этруски пришли с северо-востока, из района Дуная, перешедив Альпы, смешавшись с племенами, издавна жившими на севере Апеннинского полуострова. Есть и такое мнение: пелазги, заселявшие часть побережья Малой Азии, были общими предками как этрусков, так и славян тем более, что од-

но из названий этрусков – расены. Но это спорно. Несомненно только, что цивилизация этрусков предшествовала римской. Расцвета она достигла к VII веку до н. э., когда двенадцать городов-полисов объединились в федерацию, возглавлявшуюся поочередно правителем каждого из городов.

Начав с торговых отношений с греческими колониями и североафриканским городом-государством Карфагеном, они перешли к захватнической политике. Этруски проникли на берега Генуэзского залива, основали там город, ставший со временем Генуей, а потом распространились на юг полуострова и на плодородных землях Кампании построили два десятка городов. Ими основан в том числе знаменитый впоследствии город Помпеи на склоне Везувия.

*На берегах и островах Средиземного моря располагались
важные центры Античного мира*

Большая часть Апеннинских гор (на протяжении более 600 км) открыта этрусками. Преодолев горную преграду Апеннин, они оказались на Паданской равнине с протекающей по ней рекой Пад (По) и, двигаясь по ее левым притокам, вышли к предгорьям Альп. Знаменитые альпийские озера Комо, Гарда и Лаго-Маджоре были открыты этрусками. Дальше Альп они не пошли, а в V веке до н. э. этруски были поработены Римом, цивилизация которого в значительной степени имела этрусские корни.

Возможно, присутствие этрусского государства на Апеннинском полуострове объясняет, почему финикийская колонизация обошла территорию современной Италии. Финикийцы основали свои колонии только на островах Сардинии и Сицилии, основное же внимание обратили на Пиренейский полуостров Южной Европы, открытый ранее критянами.

Впервые финикийцы посетили берега Пиренейского полуострова в 1-м тысячелетии до н. э. На атлантическом берегу, в устье реки Гвадалквивир, они основали город Гадир («Крепость»). Ныне это – Кадис. У входа в Гибралтарский пролив они построили город Малаку (Малагу). Потом продвинулись до устья реки Тэжу, основав там город, ставший Лиссабоном. Его название, как полагают, происходит от двух финикийских слов «алисс» и «аббе», означающих «любимая бухта». Кстати, и само название главной пиренейской страны Испании имеет, возможно, финикийское происхождение. Они называли свою колонию «Берег кроликов», потому что вокруг их поселений расплодилось очень уж много этих зверьков. По-финикийски это звучит – «И-шпанним» (отсюда – Испания).

Дальше на север, вдоль берега Пиренейского полуострова, финикийцы отправились в поисках месторождений олова. И они нашли некие Оловянные острова (Касситериды). Предполагают, что это Британские острова, где в древности добывали олово на полуострове Корнуэлл.

Финикийцы освоили все западное побережье теперешней Португалии протяженностью около тысячи километров. В устьях почти всех рек, впадающих в океан, основаны были их колонии. Базируясь на них, они, по-видимому, познакомились и с Бискайским заливом к северу от Пиренейского полуострова, вплоть до полуострова Бретань. Финикийцев с Пиренейского полуострова вытеснила мощная армия Карфагена. Все финикийские колонии стали карфагенскими. А в V–III веках до н. э. с севера, через Пиренеи, на полуостров вторглись кельты, смешиваясь с жившими там, на территории современной Португалии, лузитанами и иберами.

В конце III века до н. э. большая часть Пиренейского полуострова оказалась под властью финикийского города-государства Карфагена. Финикийцев вытеснили во II веке до н. э. римляне, образовавшие две провинции своей империи – Иберию и Лузитанию.

Завоевание римлянами Пиренейского полуострова было, по сути, вторичным открытием. В 210 году до н. э. на его берегах высадились легионы Публия Корнелия Сципиона Старшего. Карфагеняне были разгромлены, римляне заняли их место, и на триста лет растянулась их борьба с населявшими полуостров племенами. Она велась в основном в горных районах: в Иберийских, кантабрийских горах, на плоскогорье Месета.

В 61 году до н. э. управителем этих провинций был верховный жрец (понтифик) Рима Гай Юлий Цезарь, который

стал вторым (после Александра Македонского) завоевателем, оставившим хотя и краткие, но все же конкретные описания завоеванных стран. Его по праву можно отнести к разряду первооткрывателей самого западного полуострова Европы.

Только за 20 лет до н. э. Марк Випсаний Агриппа, полководец императора Октавиана Августа, завершил завоевание Пиренейского полуострова. Завоевание полуострова сопровождалось его исследованием: стали известны его горы, равнины, реки. Обобщение знаний сделал греческий историк Полибий из Аркадии, находившийся у римлян в заложниках. На Пиренейском полуострове он сопровождал полководца Публия Корнелия Сципиона Младшего, подавлявшего восстания горцев в 30-х годах II века до н. э. Пиренейские горы он проследил от Средиземного моря до Атлантического океана.

Полибий прошел всю Италию, описал ее в своей «Всеобщей истории». Идущие к югу от Паданской равнины Тоскано-Эмилийские горы он назвал Апеннинскими («пен» – горная вершина) и констатировал их продолжение до южной оконечности полуострова – мыса Апулии. Полибий использовал измерения римских землемеров, проводивших съемки для строительства военных дорог, и довольно точно определил протяженность Адриатического побережья Италии.

Хотя научное открытие продолжалось вплоть до XVIII века, пионером изучения Пиренеев считают французского аб-

бата Пьера Полассу. Он составил первую геологическую карту горной системы и описал ее минералы в книге, вышедшей в 1761 году. Высоты всех пиренейских вершин пятью годами позже точно измерил методами геодезии геолог Анри Ребуль и астроном Видадь.

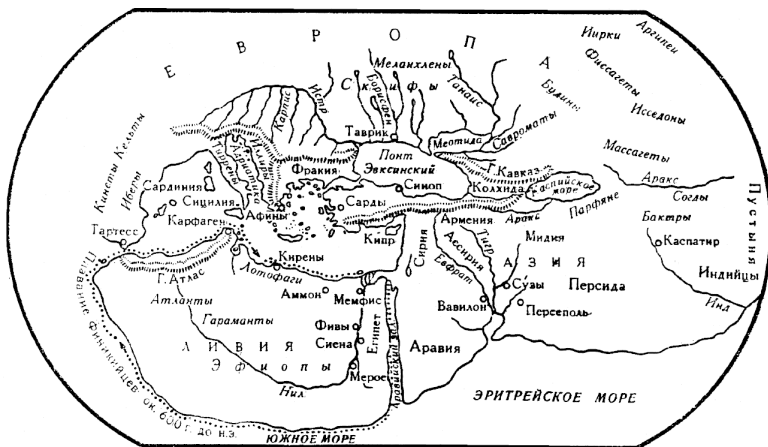
...Дунай был известен еще древним грекам, основавшим в начале VI века до н. э. торговые фактории к югу от дельты Дуная, который они нарекли Истр. Широкие равнины к востоку от этой второй по длине реки Европы (после Волги) они называли Скифией. Подробно описавший Скифию Геродот о Балканском полуострове пишет очень скупое, упоминая только некоторые реки системы Дуная, горы Радопы, Пирин (Орбел), Стару-Планину (Шем).

Впервые Балканский полуостров с запада на восток пересекли римские завоеватели. На Нижнем Дунае они появились в конце II века до н. э. Марк Линий Друз прошел по реке Мораве к Дунаю. Войско Октавиана Августа в 35–33 годах до н. э. достигло Дуная по реке Саве со стороны Далматинского нагорья. Император Клавдий Тиберий, продолжая завоевания, уже в начале новой эры открыл правобережье средней части Дуная и озеро Балатон. В 6 году н. э. римский император Тиберий, форсировав Дунай, проник в Богемию по долине Моравы.

Покорение Дакии в бассейне Дуная заняло у римлян больше двух столетий.

Три моря на восходе (Земля по Геродоту)

Берега и острова Средиземного моря еще 4–3 тысячи лет назад стали важнейшим центром открытия окружающего мира. И, естественно, одним из первых выходов за пределы был прорыв в соседнее на востоке море. По существу, тоже Средиземное. Это Черное море, соединенное с Мраморным морем проливом Босфор и с Эгейским – Дарданеллами.

Вид Земли по Геродоту

Возможно, раньше греков на Черном море побывали шу-

меры, имевшие письменность, но достоверные свидетельства этого отсутствуют. Да и у греков не так уж точно все зафиксировано. Свидетельство их первого плавания в XIII веке до н. э. – мифическое. Это миф о плавании фессалийца Ясона на судне «Арго» к берегам Колхиды за золотым руном. У этого мифа вполне могла быть и реальная основа. Эллада три тысячи лет назад имела большой флот, если верить Гомеру, около тысячи кораблей. И, конечно, плавание к Черному морю могло состояться в глубокой древности. Кем-то ведь были получены сведения о Колхиде и Кавказе, использовавшиеся в греческой мифологии...

Первая греческая колония на черноморских берегах возникла в VIII веке до н. э., именно там, куда пристали мифические аргонавты – в устье реки Риони (по-гречески – фазис). Примерно в то же время основаны колонии на юге Черного моря – Синоп и Трапезунд (Трабзон). В следующем столетии появились Петр и Ольвия (на северо-западе), Танаис и Понтикапей – на севере.

К тому времени, когда совершил свое путешествие в Черное море (а это было около 260 года до н. э.) «отец истории» и великий географ Античности Геродот, побережье Черного моря было уже освоено греческими колонистами. Геродот подробно записывал все свои впечатления, как и подобает научному исследователю. Здесь он был первым. Посетив Милетскую колонию на берегу Малой Азии, корабль вошел в проливы, ведущие в Понт Эвксинский (Море Гостеприим-

ное). Геродот назвал его «самым замечательным из морей, которым нельзя не любоваться». Вспомнил Геродот о том, что полвека прошло с того времени, когда его земляк Мандрокл (тоже с острова Самос) построил через пролив Босфор (его наименьшая ширина – 14 м) по приказу персидского царя Дария мост, по которому войска завоевателя вторглись в Скифию.

Корабль двинулся вдоль восточного берега моря на север, не пропуская ни одного приморского поселения. И наконец достиг крупнейшей колонии в устье реки Гипанис (Южный Буг – Ольвия). Ее построили выходцы из Милета. Несколько месяцев прожил Геродот в Ольвии, совершив плавания вверх по Южному Бугу до места, которое скифы называли «Священные пути», побывал в лесах Борисфена (Днепра), где познакомился с образом жизни скифов-землепашцев.

Собрал Геродот сведения и о живущих к востоку от Скифии, в степях Волго-Донского водораздела, савраматах. Через их земли текут реки Оар (Волга) и Лик (Урал). К северу от них, в непроходимых лесах, обитают рыжеволосые и голубоглазые будины, поедающие шишки. В окружении кочующих будинов, на отвоеванных у леса участках, живут потомки греков – земледельцы и садоводы; еще восточнее, в предгорьях неприступных Рифейских гор (Урала), – плосколицые аргипеи, питающиеся молоком и черешней. А в самых горах, как рассказывают эти люди, очевидно, принадлежащие к монголоидной расе, обитают люди с козыими нога-

ми и те, что спят по шесть месяцев в году. «Но я совсем этому не верю», – замечает Геродот, хотя в этом сообщении содержится информация о северных широтах, где полгода господствует ночь.

Затем Геродот покинул Скифию. На попутном корабле он пересек море и оказался на южном берегу Понта, в живописной бухте Синоп. Там он пересел на корабль, направлявшийся за вином, фруктами, медом, корабельным лаком и смолой в страну, которую некогда посетили мифические аргонавты, в Колхиду. По пути были заходы и в другие колонии, расположившиеся в устьях рек. Наконец, прибыли в Фасис, в устье Риони. Геродот удивился, увидев среди жителей Колхиды темнокожих людей с курчавыми волосами. Ему говорили, что это потомки египтян, приплывших на кавказский берег Черного моря на корабле одного из египетских фараонов. И это было очень давно. Не исключено, что именно египтяне – первооткрыватели Черного моря.

За Кавказскими горами – и об этом узнал Геродот – огромное море. Это Каспий. Но Геродот до него не добрался, а вернулся на остров Самос. Вскоре он отправился в новое путешествие – в пределы Персидской империи; эти места уже известны, но Геродот станет первым их исследователем.

Геродот не просто рассказывал об увиденном, он сопоставлял факты, отделял достоверное от вымысла и, когда мог, производил прямые измерения. Черное море он пересек вдоль и поперек, попытался оценить его размеры.

Восточнее полуострова Таврика (Крыма) Геродот посещает большое озеро Меотида. Это Азовское море, размеры которого, по его мнению, лишь немного меньше Понта Эвксинского, то есть Черного моря. Очевидно, те, кто рассказывали об этом «озере», объединили его с северной частью Каспия, потому что река Оар (Волга) впадает, по Геродоту, в Меотиду.

После Персии, побывав на родном острове Сомосе, где он принял участие в восстании самосского народа против тирании, Геродот отправляется в Египет. Несмотря на то что страна эта хорошо была известна в Античном мире, он и в ней открывает много нового. Он поднялся вверх по Нилу до знаменитого Слонового острова (Элефантина). И хотя этот остров многими посещался, только Геродот описал рельеф берегов Нила, а по рассказам, и территорию древнего Египта на запад от долины Нила.

Но все-таки главное открытие Геродота – замкнутость Каспийского моря. Оно подтверждено было лишь через 300 лет. Тогда и вспомнили о Геродоте.

Путешественник-полководец (Александр Македонский)

Царя Александра Македонского прославили его победоносные сражения и завоевания. В то же время он был крупнейшим землепроходцем древности. Его военные предприятия широко развернули для греков границы ойкумены.

Вторгшись в Малую Азию, Александр имел перед собой крупнейшую по тем временам Персидскую империю. Сравнительно небольшой македонской армии (около 50 тысяч человек) противостояла персидская, превосходящая ее в несколько раз. Разгромив врагов в двух сражениях – у реки Граник и города Иссы (в 334 и 333 годах до н. э.), он преследовал Дария, бежавшего на юг.

Перейдя границу Египта, Александр захватил Мемфис, принял титул фараона и основал в дельте Нила город Александрию. По преданию, в Ливийской пустыне он посетил оракул Амона, а затем вновь отправился на поиски войска Дария. Встреча состоялась в Двуречье, и вновь персидский царь потерпел сокрушительное поражение и вынужден был спасаться бегством...

Не станем требовать от походов Александра Македонского каких-то научных достижений, а постараемся более или менее объективно оценить их значение в истории географических знаний. Поражает уже сам по себе маршрут, который

он прошел со своей армией: из Греции через Малую Азию в Египет, затем в Ливийскую пустыню, в Двуречье, после чего в Среднюю Азию. Перейдя через Гиндукуш, вышел в Долину Окса (Амударьи), достиг среднего течения Яксарта (Сырдарьи). Эти земли считались крайней границей Азии.

Из средневековых изображений войн Александра Македонского

Еще раз преодолев горы Гиндукуша, Александр вторгся в пределы Индии. Перейдя долину Инда, он хотел двигаться дальше на восток или юго-восток, но уставшие солдаты взбунтовались и потребовали возвращения на родину. Спустившись вниз по долине Инда, он отправил часть войска под командованием флотоводца Неарха в обратный путь, а сам с оставшимися полками двинулся на запад по суше в Южный Иран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.